

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

CARPE JUGULUM

Хватай за горло!

Плоский мир

Терри Пратчетт

Carpe Jugulum. Хватай за горло!

«ЭКСМО»

1998

Пратчетт Т.

Carpe Jugulum. Хватай за горло! / Т. Пратчетт — «Эксмо»,
1998 — (Плоский мир)

ISBN 5-699-15357-8

Они – вампиры, и это многое объясняет. Да, они спят в гробах, да, они питаются кровью, однако, все не так просто. Долой заскорузлые предания и предрассудки! Новый мир – новые повадки! Закаляйся святой водой! Религиозные символы – всего лишь картинки и предметы нательного украшения! Чеснок? Обычная приправа! Смело гляди в глаза наступающему дню! Они – новые вампиры. Они будут жить по-новому. И вы тоже будете жить по-новому. Вас заставят не бояться. Вас заставят снять с окон решетки. Вам будет хорошо. Люди и вампиры – дружба вовек! А тех, кто не согласен, – «Карпе Югулум»!

ISBN 5-699-15357-8

© Пратчетт Т., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	52
-----------------------------------	----

Терри Пратчетт

Carpe Jugulum. Хватай за горло!

Сквозь рваные черные тучи, подобно умирающей звезде, летел огонек, он падал вниз, на землю...

...На землю, то есть, собственно, на Плоский мир...

...Но, в отличие от любой другой падающей звезды, этот огонек каким-то странным образом управлял своим падением, иногда чуть взмывая, порой сворачивая в сторону и все же... неминуемо приближаясь к земле.

На мгновение блеснул снег на склонах гор, когда необычная звездочка, потрескивая, пронеслась над ними.

Затем в горах наступил промежуток, и земля резко ушла куда-то вниз. Огонек влетел в глубокий каньон и с грохотом помчался по его изгибам, рассыпая яркий свет по закованным в синий лед стенам.

Но вдруг свет погас, как будто его отключили, хотя потухшая звездочка продолжала свой путь по озаренной лунной ленте, что прорезала горные пики.

А потом каньон закончился и звездочка вылетела на широкий склон, по которому талая вода из ледника начинала свое движение в далекое озеро.

Вопреки всякому здравому смыслу, внизу находилась долина, вернее, целая цепочка долин, прижимавшихся к высоким острым пикам, и уже за долинами следовал еще один крутой обрыв, а потом начиналась бескрайняя равнина. Небольшое озерцо, затянутое туманом, маняще поблескивало впереди. Тут был даже лес. И поля, похожие на лоскутное одеяло, которое кто-то набросил на горные склоны.

Ветер стих, воздух потеплел.

Звездочка-тень описала большой круг.

Однако не она одна проникла незамеченной в мирные горные долины. Было кое-что еще, практически не видимое глазу. Трава волновалась, и вереск шуршал, как будто двигалась маршем некая армия из очень мелких существ, настроенных весьма и весьма решительно.

Наконец звездочка-тень добралась до большой плоской скалы, с которой открывался прекрасный вид на леса и поля, и одновременно с этим из-под древесных корней выступила армия. Самая настоящая армия из крошечных синих человечков – синих и рыжеволосых. Кое-где море рыжих волос разбавлялось маленькими остроконечными шапочками (тоже синими, кстати). И все до единого человечки были вооружены мечами. И все были не больше шести дюймов ростом.

Человечки быстренько построились и воззрились на землю, которой суждено было стать их домом, после чего, вскинув в воздух мечи, издали боевой клич. Возможно, этот клич прозвучал бы более впечатляюще, если бы войско договорилось заранее и сошлось на каком-нибудь одном варианте, но, похоже, у каждого человечка был собственный боевой клич и каждый крохотный воин готов был на месте прирезать любого, кто посмеет воспользоваться его изобретением.

– Нак-мак-Фигли!

– Траккансы нале-напра!

– Ща мы ва рва-порва!

– Верзуны!

– Всем кирдыкс, один оста!

– Нак-мак-Фигли, нах!

– Нах себя, синяя сво!

Горстка долин, купающаяся в остатках вечернего солнечного света, именовалась королевством Ланкр. Поговаривали, будто бы с окрестных пиков можно увидеть Край света.

А еще поговаривали (правда, не те, кто жил в самом Ланкре), будто бы за Краем творится такое... Якобы там, куда беспрестанно изливается море, стоят четверо гигантских слонов, и стоят они на панцире у громадной, как мир, черепахи, а сама черепаха плывет по бескрайнему космосу.

Жители Ланкра слышали об этой гипотезе и считали ее более-менее соответствующей действительности. То, что мир плоский, совершенно очевидно (хотя в самом Ланкре единственными плоскими поверхностями были столы и головы некоторых жителей). И даже маленькая черепашка может тащить на своем панцире весьма значительный груз. А слоны, что ни говори, обладают достаточной силой. В общем, явных провалов в логике не наблюдалось, следовательно, данную теорию вполне можно было принять на веру.

Нельзя сказать, что ланкрцы не интересовались окружающим миром. Напротив, они чувствовали глубокий, личный и жгучий интерес к происходящим вокруг событиям и постоянно задавались вопросами типа: «Не помешает ли дождь сенокосу?», хотя, наверное, прежде всего следовало бы спросить: «Что мы вообще здесь делаем?»

Философы с презрением относятся к подобному недостатку духовных амбиций – именно поэтому философы частенько ночуют на улице и с пустым брюхом.

Благодаря своему местоположению и климату Ланкр вывел особую породу людей: практичных, открытых и твердолобых, породу, которая весьма преуспевала в равнинном мире. Кроме того, Ланкр являлся известным поставщиком волшебников и ведьм – лучшие представители данных профессий вышли именно отсюда. Те же философы не раз задавались вопросом: ну как, спрашивается, сей ограниченный народец мог подарить миру столько известных практиков волшебных искусств? А ответ достаточно прост: только твердо стоящий на земле человек способен строить прочные воздушные замки.

Так все и шло. Дочери и сыновья Ланкра покидали родимый край, делали карьеру, карабкались по всевозможным служебным лестницам и никогда-никогда не забывали посылать какую-то денежку домой.

Ну а те, кто оставался в Ланкре, не слишком-то часто сталкивались с внешним миром. Ну, разве что изредка получали письма с заковыристыми обратными адресами.

Зато окружающий мир о них не забывал.

Огромная плоская скала уже опустела, но по вересковым зарослям в сторону долины мчался решительный клин.

– Навар варить!

– Нак-мак-Фигли!

Вампиры бывают самые разные. На самом деле считается, что разновидностей вампиров ничуть не меньше, чем всяких болезней¹.

И вампиры – это не только люди (если, конечно, вампиров вообще можно назвать людьми). Среди жителей Овцепикских гор существует поверье, что любой безвредный инструмент, будь то молоток или пила, возжаждет крови, если им не пользоваться больше трех лет. В Гате свято верят в существование арбузов-кровососов, хотя тамошние предания весьма туманны насчет того, чем именно эти арбузы-кровососы занимаются. Вполне возможно, их корки являются к вам по ночам.

Исследователей вампиров традиционно озадачивали два вопроса. Во-первых, почему вампиры обладают такой *властью*? Их ведь так просто убить. Существует масса способов

¹ В том смысле, что есть заразные и смертельно опасные болезни, а есть болезни почти даже невинные – просто некоторое время вы ходите полусогнувшись и шарахаетесь от немытых фруктов.

отправить вампира на тот свет, помимо традиционного осинового кола в сердце, – кстати говоря, данное средство не менее эффективно действует и на обычных людей, так что оставшиеся без надобности колы никогда не пропадут. Классический вампир проводит светлое время суток в гробу под охраной какого-нибудь престарелого, не отличающегося проворством горбуна, который вряд ли сможет противостоять даже самой небольшой толпе. И тем не менее один-единственный вампир способен удерживать в повиновении целую деревню, а то и городок...

И вторая загадка: почему все вампиры так глупы? Мало того что они постоянно носят смокинги (вот уж примета, которая выдает тебя, так сказать, вместе с твоим гробом), так они еще, словно бы нарочно, выбирают в качестве своего жилья всякие старые замки, где так легко победить вампира, сорвав с окна тяжелые шторы или составив из настенных украшений какой-нибудь религиозный символ. И неужели вампиры действительно верят, что если написать свое имя задом наперед, то тебя никто не узнает?

В многих милях от Ланкра по ухабистой дороге, выходящей через болота, тряслась некая карета. Судя по тому, как она подпрыгивала, путники путешествовали налегке. Но как будто сама тьма сопровождала их.

Кони были черными, под стать экипажу (из общей цветовой гаммы выпадал только нарисованный на дверцах герб), и голову каждого коня украшал черный плюмаж. Такие же черные плюмажи торчали и по углам кареты, создавая впечатление громадной зловещей тени, катящейся по дороге. Карета словно бы притягивала к себе ночь.

Достигнув холма посреди болот, карета, закрипев, остановилась. Неподалеку виднелись развалины какого-то особняка; сквозь груды камней и дерева уже успели пробиться чахлые деревца.

Кони стояли смирно, лишь изредка переступая с копыта на копыто и встряхивая гривами. Кучер, сгорбившись, сидел на козлах и чего-то ждал.

Четыре фигуры, окутанные серебристым лунным светом, летели над облаками. Разговор велся на повышенных тонах, один из говоривших был чем-то весьма обеспокоен или даже раздражен – настолько резким и неприятным был голос.

– Ты позволил ему уйти! – обвинил голос с характерными визгливыми нотками, которые сразу выдавали личность, вечно недовольную всем и вся.

– Он был ранен, Лакки. – Второй голос звучал по-отцовски успокаивающе и содержал лишь едва уловимый намек на то, что говоривший сдерживается из последних сил.

– О, как я их ненавижу! Они такие... мерзостные!

– Разумеется, малыш. Наследие сомнительного прошлого.

– Вот если б я так красиво горела, я бы не хоронилась по углам. Ну почему они так поступают?

– Полагаю, когда-то это имело для них практическое значение.

– И они... как там ты их называешь?

– Эволюционным тупиком, Лакки. Одинокими мореплавателями в морях прогресса.

– Значит, убивая их, я делаю им одолжение?

– Да, малыш, именно так. А теперь, может, мы...

– А вот курицы не горят, – перебила Лакки. – Нет, конечно, горят, но плохо.

– Мы *наслышаны* о твоих экспериментах. Ты бы хоть убивала их сначала... – устало посоветовал третий голос, явно принадлежавший юноше. В каждом слогe звучали нотки «старшего брата».

– Но зачем?

– Ну, во-первых, малыш, твои опыты стали бы куда тише...

– Милая, слушай папу, – раздался четвертый голос, который, судя по всему, принадлежал матери семейства и который любил остальные голоса искренней, безусловной любовью.

– Вы... вы... нечестные!

– Малыш, мы же позволили тебе побросаться камнями в пикси. Жизнь не может состоять сплошь из развлечений.

Услышав приближавшиеся сквозь облака голоса, кучер востропел – и как раз вовремя, поскольку внезапно чуть поодаль возникли четыре фигуры. Кучер неуклюже спустился на землю и услужливо распахнул дверь кареты.

– Хотя кое-кому из этих мелких негодников удалось ускользнуть, – заметила мать.

– Ничего страшного, дорогуша, – успокоил отец.

– Я их так ненавижу, – протянула дочка. – Они тоже эволюционный тупик, а, пап?

– Пока еще нет, малыш, несмотря на все твои героические усилия. Игорь! В Ланкр!

Кучер обернулся.

– Флушайт, герр мафтер.

– Гм, Игорь, я тебя, конечно, уже спрашивал, но неужели нельзя говорить правильно?

– Я умею только так, герр мафтер.

– И я, кажется, приказывал тебе снять с кареты эти дурацкие перья!

Кучер виновато шаркнул ногами.

– Мы должны иметь черный перья, герр мафтер. Такой *традиция*.

– Немедленно убрать, – велела мать. – Что о нас люди-то подумают?

– Флушайт, фрау мафтер.

Существо, которое называли Игорем, захлопнуло дверь кареты и похромало к лошадям. Почтительно сняв плюмажи, Игорь спрятал их под свое сиденье.

– А Игорь тоже эволюционный тупик? – донесся из кареты визгливый голосок.

– Очень на это надеюсь, малыш.

– От тупиков флушайт, – буркнул себе под нос Игорь, взмахивая поводьями.

Послание начиналось следующим образом:

«Вы сердешно приглашаетесь...»

...И было унижено множеством великолепных завитушек, сквозь которые так трудно продираться, но выглядят которые официальнее некуда.

Довольно улынувшись, нянюшка Ягг поставила открытку обратно на каминную полку. Особенно ей нравилось слово «сердешно». Богатое, мощное словечко. И многообещающе горячительное.

В данный момент нянюшка утюжила свою лучшую нижнюю юбку. То есть сидела в кресле у камина, пока одна из невесток, имя которой в очередной раз вылетело у нее из головы, работала утюгом. А нянюшка ей помогала – указывая на пропущенные места.

Приглашение было роскошным, особенно позолоченная кромка фигурная, словно облитая золотым сиропом. Скорее всего, золото было ненастоящим, но блестело на все сто.

– Вот это место неплохо бы прогладить еще раз, – сказала нянюшка, доливая в кружку пива.

– Конечно, нянюшка.

Еще одна невестка, чье имя нянюшка наверняка вспомнила бы, если бы постаралась, начищала красные нянюшкины башмаки. Невестка номер три с превеликой осторожностью снимала пушинки с лучшей нянюшкиной остроконечной шляпы, водруженной на специальную подставку.

Поднявшись, нянюшка неторопливо направилась к заднему крыльцу. Небо почти полностью потемнело, и лишь редкие рваные облака неслись по нему, время от времени закрывая собой ранние звездочки. Нянюшка понюхала воздух. Зима, как правило, надолго задерживалась в горах, но в этом ветре определенно чувствовался запах приближающейся весны.

«Хорошее время, – подумала она. – Честно говоря, самое лучшее». Как было принято считать, всякий новый год начинался в страдствие, когда поворачивали вспять зимние приливы, но на самом деле *настоящий* новый год начинался именно сейчас, когда из-под слоя застарелого снега проглядывала первая зеленая травка. В воздухе витали перемены, нянюшка почувствовала это всеми своими косточками.

«Костям верить нельзя», – всегда говорила ее давняя подруга, матушка Ветровоск. Но она постоянно твердила что-нибудь подобное.

Нянюшка Ягг закрыла дверь. В дальнем конце сада, на лишенных листвы деревьях, прорезающих небо уродливыми загогулинами, кто-то захлопал крыльями и что-то прострекотал, приветствуя нисходящую на мир тьму.

Тем временем Агнесса Нитт, стоя посреди *своего* домика, с сомнением разглядывала *свою* остроконечную шляпу. Впрочем, Агнесса всегда и ко всему относилась с сомнением.

Затем, подобрав волосы, она принялась критически рассматривать себя в зеркале, тихонько напевая незатейливый мотивчик. Пела она просто так, ни к кому в особенности не обращаясь. Пение – дело такое: только начни петь своему отражению в зеркале, потом запоешь дуэтом с какой-нибудь синичкой, затем подтянутся прочие лесные обитатели, ну а дальше остановить тебя можно будет только огнеметом.

О нет, Агнесса просто пела – в гармонии с самой собой. Последнее время это случалось все чаще, особенно когда она отвлекалась на что-нибудь. У Пердиты был довольно противный голосок, но она всегда настаивала на своем участии.

Как гласит житейская мудрость (люди вообще склонны к очень жестоким житейским наблюдениям), внутри всякой толстушки живет тощая девица и много-много шоколадных конфет. Пердита и была той самой тощей девицей, что жила внутри Агнессы.

Агнесса сама не знала, когда в ее тело подсел этот невидимый пассажир, хотя мама частенько рассказывала, что в детстве, когда, например, пропадала миска со сливками или разбивалась какая-нибудь ваза, Агнесса всегда винила в этих странных и таинственных происшествиях какую-то «другую маленькую девочку».

Лишь теперь Агнесса понимала, что, выдумывая себе всякие оправдания, поступала не слишком мудро, ведь в ее жилах с самого рождения текла ведьмовская кровь. С возрастом воображаемая подружка никуда не делась – наоборот, она тоже выросла, превратившись в настоящую занозу.

Агнесса недолюбливала Пердиту, считая ее самовлюбленной, эгоистичной и порочной особой, а Пердита, в свою очередь, от всей души ненавидела Агнессу, которую считала жирной, жалкой и слабовольной пустышкой, через которую люди просто переступали бы, если бы не надо было карабкаться на такую кручу.

Имя Пердита Агнесса придумала себе в качестве удобного ярлыка для поступков, которые не должна была совершать, и желаний, которые не должна была испытывать, – этакое прозвище для язвительного комментатора, что постоянно выглядывает из-за плеча и ехидно посмеивается. Во всяком случае, так она себя успокаивала. Но иногда ей казалось, что это Пердита создала Агнессу в качестве девочки для битья.

Агнесса старалась следовать правилам. Пердита их презирала и считала, что неподчинение правилам – это круто. Агнесса считала, что такие правила, как «Не падай в утыканную острыми кольями яму», были придуманы не зря. Пердита считала, что, к примеру, те же правила поведения за столом глупые и репрессивные. Агнессе, напротив, совсем не нравилось, когда в нее попадают кусочки капусты, вылетающие изо рта соседа по столу.

Пердита считала остроконечную шляпу ведьмы весьма убедительным символом власти. Агнесса считала, что низенькой, плотной девушке не стоит носить высокую шляпу, особенно с

черными платьями, поскольку в такой шляпе больше походишь на большую трубочку лакричного мороженого, уроненную кем-то с небес.

Беда заключалась в том, что правы были обе: и Агнесса, и Пердита. В Овцепиках остроконечная шляпа пользовалась большим влиянием. Люди обычно разговаривали со шляпой, а не с человеком, ее носившим. И, попав в беду, люди шли за помощью к ведьме².

Да, и всякие черные одежды. Тоже непрменный атрибут. Пердите нравился черный цвет. Она считала, что это *круто*. Тогда как Агнесса считала, что черный цвет не слишком-то идет девушкам, испытывающим некоторые проблемы с окружностью тела... и вообще, что это за словечко – «круто»?! Подобным образом разговаривают только те, чьих мозгов даже на чайную ложку не хватит.

Вот Маграт Чесногк, к примеру, никогда не носит черный цвет, а словечко «круто» если и использует, то лишь по отношению к горным склонам.

Слегка подустав от собственной остроконечности, Агнесса отвернулась от зеркала, окинула взглядом домик, который раньше принадлежал Маграт, а потом стал принадлежать ей, и вздохнула. Затем ее взгляд упал на шикарную, отделанную золотом открытку, лежавшую на каминной полке.

Похоже, Маграт раз и навсегда отошла от дел. Ушла в отставку, чтобы стать королевой, – теперь в этом не было никаких сомнений, даже если они когда-то у кого-то и были. И нельзя сказать, что нянюшка Ягг и матушка Ветровоск одобряли это ее решение, хотя на людях они ничего подобного не говорили. Наоборот, отчасти они даже гордились тем, что Маграт вышла замуж за короля, и соглашались с тем, что именно такой образ жизни был для нее самым подходящим – правда, при этом над их головами, переливаясь всеми ментальными цветами, висела невысказанная фраза: «В своей жизни Маграт удовлетворялась вторым местом».

Помнится, поняв это, Агнесса едва не расхохоталась. *Вторым* местом? И ведь не поспоришь... С ведьмами насчет первых-вторых мест спорить бесполезно. Они просто не понимают, в чем состоит предмет спора.

Матушка Ветровоск жила в хижине с соломенной крышей, настолько древней, что там успело прорасти молоденькое деревце, и мылась дождевой водой из бочки. Большую часть своей жизни она провела в полном одиночестве, не нуждаясь ни в чьей компании. Ну а нянюшка Ягг... Другого такого *укорененного* человека надо было еще поискать. Да, разумеется, нянюшка не раз посещала другие страны, но, как говорится, Ланкр всегда был в сердце ее – и в печенках, и в селезенке, и во всем остальном тоже. А еще матушка Ветровоск и нянюшка Ягг были искренне убеждены, что «уж они-то лучше знают» и «за всем остальным миром нужен глаз да глаз».

Пердита считала, что девушке, ставшей королевой, больше нечего желать.

Агнесса считала пределом желаний оказаться от Ланкра как можно дальше. Это первое. И второе: чтобы ее голова принадлежала ей одной и никому больше.

Она в который раз поправила шляпу – да, вроде так лучше – и вышла из домика.

Ведьмы никогда не запирали двери. В этом не было необходимости.

Когда она пересекла озаренную лунным светом лужайку, две сороки опустились на соломенную крышу покинутого домика.

Тем временем матушка Ветровоск... В общем, окажись рядом случайный наблюдатель, он был бы немало озадачен ее действиями.

Матушка бросила внимательный взгляд на плитки, которыми был вымощен порог у черного хода, и приподняла ногой лежавший там старый лоскутный коврик.

² Зачастую чтобы всего-навсего вежливо попросить ее: «Пожалуйста, не делай то-то и то-то».

Потом прошла к передней двери, которой никогда не пользовалась, и проделала то же самое. Кроме того, она тщательно исследовала трещинки в дверном косяке.

Затем матушка вышла на улицу. Ночью случились заморозки – умирающая зима еще пыталась показывать зубы, – и прошлогодние листочки, забившиеся под дом, были покрыты инеем. Поежившись от холода, матушка принялась ковыряться в расставленных возле двери цветочных горшках.

Обыскала растущие у крыльца кусты. Снова вернулась в дом.

Поглядела на часы. Часы в Ланкре были неизменным атрибутом, хотя сами ланкрцы редко когда интересовались всякими там минутами. Хочешь сварить яйцо? Пропой про себя пятнадцать куплетов песни «Ах, куда подевалась перчица?». Но долгими зимними вечерами тиканье часов так успокаивает...

Опустившись в кресло-качалку, матушка уставилась на дверь.

Вдруг в лесу заухали совы. Чьи-то быстрые шаги простучали по дорожке, ведущей к хижине матушки, и чьи-то кулаки с грохотом заколотили в дверь.

Сторонний наблюдатель, никогда не слышавший о железном самообладании матушки Ветровоск, которым можно было гнуть подковы, мог бы подумать, что в этот момент матушка с облегчением, едва слышно вздохнула.

– Что ж, почти вовремя, – пробормотала она.

Тут, рядом с конюшнями, шума царившей в замке суматохи почти не было слышно. Ястребы и соколы спокойно сидели на жердочках, пребывая в собственных внутренних мирках, состоявших сплошь из стремительных падений и восходящих потоков. Периодически птицы бряцали цепями и хлопали крыльями.

Сокольниковый Ходжесааргх готовился к сегодняшнему празднеству в своей крошечной камерке, когда вдруг понял, что в птичьем питомнике воцарилась полная, абсолютная тишина. Удивившись, он выглянул проверить, что происходит. Все птицы замерли в клетках, как будто чего-то ждали. Даже орел Король Генри, с которым можно было иметь дело, лишь облачившись в полный доспех, настороженно косил глазом.

Может, крыса забежала? На этих гнусных тварей подопечные Ходжесааргха реагировали примерно таким вот образом. Сокольниковый пошарил взглядом по углам. Нет, никаких крыс, хотя, возможно, гадина успелализнуть.

Для участия в предстоящих сегодня событиях Ходжесааргх выбрал канюка Вильяма, на которого мог всецело положиться. Разумеется, Ходжесааргх мог положиться на всех своих птиц, но лишь в одном: при первой же возможности они непременно постараются нанести телесные повреждения максимальному числу оказавшихся рядом людей (и прежде всего самому Ходжесааргху). Вильям, напротив, считал себя курицей и, как правило, не представлял ни малейшей опасности.

Однако сейчас даже Вильям уделял некое внимание окружающему миру, что случалось с ним нечасто. Разве что во время кормежки.

«Странно», – подумал Ходжесааргх. Пожав плечами, он удалился обратно в камерку.

Птицы, задржав головы, продолжали смотреть вверх, словно крыша вдруг куда-то подевалась.

Матушка Ветровоск опустила взгляд на круглое, покрасневшее и чем-то обеспокоенное лицо.

– Постой-постой, ты ведь... – Она собралась с мыслями. – Юный Чотли из Ломтя, правильно?

– Ты... – Судорожно переводя дыхание, мальчик прислонился к косяку. – Ты... б'стреи...

– Просто сделай несколько глубоких вдохов. Водички принести?

– Ты... т'бя...

– Да-да, конечно. Просто дыши.

Чотли принялся послушно хватать ртом воздух.

– Госпоже-Плющ-и-ее-дочке-нужна-помощь! – наконец выпалил он, почти не делая промежутков между словами.

Матушка сорвала шляпу с вешалки у двери и, протянув руку вверх, достала из-под крыши помело.

– А мне казалось, за ней присматривает госпожа Господиеси, – сказала она, прищипывая к волосам остроконечную шляпу ловкими движениями воина, готовящегося к внезапной битве.

– У нее там какая-то беда!

Не тратя времени на дальнейшие расспросы, матушка ринулась прочь по дорожке.

Лужайка перед домом завершалась невысоким обрывом – в том самом месте, где тропинка делала резкий изгиб и уходила в леса. Перекинув ногу через судорожно дергающееся помело, матушка решительно прыгнула вниз.

До земли оставались считанные футы, когда в помеле наконец проскочила магическая искра, и матушка, чиркнув башмаками о папоротники, взмыла в ночное небо.

Дорога петляла по горам, будто оброненная кем-то лента. Свист ветра не смолкал ни на миг.

Разбойник с большой дороги сидел на мощном вороном жеребце. Возможно, это был единственный жеребец в мире, к седлу которого была привязана лестница.

Объяснялось все очень просто. Лихого человека звали Казанундой, и он был гномом. Принято считать, что гномы весьма законопослушные существа, они стараются держаться особняком и в делах сердечных (и прочих делах, связанных с некоторыми другими органами) действуют крайне осмотрительно. И гномы действительно таковы. Но порой генетика выбрасывает на зеленом сукне жизни весьма странное сочетание костей, и тогда гномья среда рождает Казанунду, который предпочитает плотские удовольствия деньгам и питает к женскому полу страсть, которую все прочие гномы питают лишь к золоту.

Признавая полезность законов, Казанунда следовал им лишь в тех случаях, когда это ему было выгодно. Грабителей и разбойников он от всей души презирал, но в то же время не мог не согласиться, что занятие сие не лишено приятности, поскольку целыми днями ты находишься в сельской местности и дышишь свежим воздухом, что весьма полезно для здоровья, в отличие от всяких городов, битком набитых ревнивыми мужьями, которым только дай повод дубиной помахать.

Беда была лишь в том, что никто из путников не принимал Казанунду всерьез. О нет, с каретами проблем не было, кареты останавливались, но почему-то путешествующие в них люди сразу начинали глупо шутить: «И это разбойник с большой дороги? Поискал бы ты себе дорогу поменьше! Вырасти сначала! Гы-гы-гы...» Стрела, всаженная в коленную чашечку, сразу отбивала охоту к дурацким шуткам, но это было немножко неприятно.

Он задумчиво дул на окоченевшие руки, когда его внимание привлек стук копыт. По дороге приближалась карета.

Казанунда уже было собирался покинуть свое скромное укрытие, как вдруг заметил *второго* грабителя, появившегося из леса, что тянулся вдоль противоположной стороны дороги.

Карета послушно остановилась. Конкурент объехал ее, склонился к двери и начал было произносить традиционную речь (Казанунда находился слишком далеко, чтобы слышать его слова), но тут...

...Из окошка внезапно высунулась чья-то рука и стремительно утянула грабителя внутрь.

Некоторое время карета ходила ходуном, потом дверь распахнулась и на дорогу вывалился грабитель.

Карета, скрипнув колесами, покатила дальше.

Немного выждав, Казанунда приблизился к телу. Пока хозяин отвязывал лестницу и спускался на землю, конь терпеливо ждал.

Казанунда сразу понял, что грабитель мертв. Живые люди, как правило, отличаются некоторым наличием крови в жилах.

Проехав еще несколько миль, экипаж остановился на вершине перевала, с которого начинался длинный извилистый путь вниз, к Ланкру и равнинам.

Четыре фигуры вышли из кареты и приблизились к краю склона.

За их спинами в небе собирались облака, но здесь воздух был морозным и кристально чистым. На самом горизонте поблескивал в лунном свете Край Диска, а далеко внизу отчетливо виднелось прижавшееся к склонам гор маленькое королевство.

– Ворота в мир, – сказал граф Сорокула.

– Причем неохраняемые, – добавил его сын.

– Напротив. Обладающие крайне *эффективной* защитой, – сказал граф и улыбнулся. – Вернее, обладавшие... до сегодняшнего дня.

– Ведьмы встанут на нашу сторону, – заметила графиня.

– Во всяком случае, одна из них, – согласился граф. – Исключительно... занятная женщина. Из исключительно занятой *семьи*. Дядя рассказывал мне о ее бабушке. Женщины из рода Ветровосков всегда стояли одной ногой в темном мире. Это у них в крови. Причем силу свою они черпают именно в отрицании этого непреложного факта. – Его зубы ярко сверкнули в темноте. – Но скоро, очень скоро она поймет, какая сторона хлеба намазана маслом.

– И с какой стороны позолочен пряник, – добавила графиня.

– О да. Отлично сказано. Это расплата за то, что она принадлежит к клану Ветровосков. Таковы все их женщины. Чем ближе к старости, тем отчетливее слышится им лязг печной заслонки.

– Однако, насколько мне известно, она крайне несговорчива, – заметил сын. – И хитра.

– А давайте ее убьем! – воскликнула дочь графа.

– Лакки, малыш, нельзя убить *всех*.

– Почему?

– Потому. О нет, будет куда интереснее... использовать ее. Окружающий мир она видит исключительно в черно-белых цветах. В эту ловушку попадают почти все, кто обладает силой. О да! И такой вот разум... очень легко направить в нужном направлении. Нужно лишь чуть подтолкнуть.

Послышался шум крыльев, и нечто двухцветное опустилось на плечо графа.

– И вот *это*... – задумчиво пробормотал граф, глядя сороку по крылу. Из внутреннего кармана камзола он достал белую картонку. Края карточки, освещенные лунным светом, ярко блеснули. – Кто бы мог предположить? Раньше ничего подобного не случилось. И это еще раз доказывает, что грядет новый мировой порядок.

– Милый, дай-ка мне свой носовой платок, – перебила графиня. – Ты немножко испачкался.

Она промокнула подбородок графа и убрала заляпанный кровью платок обратно в мужнин карман.

– Вот теперь все в порядке.

– Но другие ведьмы... – напомнил сын, поморщившись так, словно при одном упоминании ведьм во рту у него все сводило.

– Да, конечно. Надеюсь, мы с ними повстречаемся. Будет очень забавно.

И они вернулись в карету.

Сознание постепенно возвращалось. Покачнувшись, незадачливый грабитель наконец поднялся на ноги, которые как будто что-то держало. Впрочем, это неприятное чувство возникло лишь на мгновение. Он раздраженно потер шею и искал взглядом коня, который обнаружился совсем неподалеку, у ближайшей скалы.

Однако, когда разбойник попытался взять коня под уздцы, рука прошла сквозь кожаные ремешки и лошадиную шею так, словно те были абсолютно бесплотны. Громко заржав, конь вскинулся на дыбы и умчался прочь бешеным галопом.

Не слишком-то удачная ночка выдалась, устало подумал разбойник. Сначала добыча ускользнула, не хватало еще и коня лишиться... Но кем были эти люди? В карете что-то произошло – что-то весьма неприятное.

Разбойник принадлежал к тому типу людей, которые, получив трепку от более сильного соперника, тут же начинают искать жертву послабее, чтобы сполна на ней отыграться. «Ну, кому-то сегодня ночью очень не поздоровится, – поклялся про себя разбойник. – Кроме того, мне потребуется новый конь...»

И тут, словно бы откликнувшись на его мысли, ветер донес топот копыт. Достав из ножен клинок, разбойник шагнул на дорогу.

– Кошелек или жизнь!

Лошадь послушно остановилась в нескольких футах от него. Разбойник едва слышно присвистнул: похоже, госпожа Удача наконец повернулась к нему лицом. Лошадь была просто превосходной, поджарой, выносливой – настоящий скакун, а не какая-нибудь деревенская кляча. И какой красивый цвет шкуры... Лошадь как будто светила в тусклом свете звезд, а упряжь ее, судя по всему, была украшена серебром.

Всадник был с головы до ног укутан в плащ, что неудивительно – ночь выдалась холодной.

– Кошелек или жизнь! – еще раз крикнул грабитель.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– Твой кошелек, – повторил грабитель, – или твоя жизнь. Дальше сам догадаешься или как?

– А, ДА, КОНЕЧНО. ПАРОЧКА МОНЕТ У МЕНЯ НАЙДЕТСЯ.

Две монетки, звякнув, покатались по покрытой инеем дороге. Разбойник было наклонился за кругляшками, но пальцы упорно проходили сквозь металл. Грабитель рассерженно выпрямился.

– Что ж, стало быть, твоя жизнь!

Всадник покачал головой.

– ЭТО УЖ НАВЯРЯД ЛИ. ИЗВИНИ.

Рука незнакомца скользнула к ножнам, и оттуда появилось нечто длинное. Разбойник сначала решил, что это копье, но потом от палки вдруг отделилось изогнутое лезвие, острая кромка которого отливала холодным синим светом.

– ДОЛЖЕН ЗАМЕТИТЬ, – промолвил всадник, – ТВОИ ЖИЗНЕННЫЕ СИЛЫ ДОСТОЙНЫ ВОСХИЩЕНИЯ. – Это был даже не голос, а скорее эхо. – ЧЕГО, К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ СКАЖЕШЬ О ТВОЕМ РАЗУМЕ.

– Да кто ты вообще такой?

– Я – СМЕРТЬ, – сказал Смерть, – И ЯВИЛСЯ Я ВО ВСЕ НЕ ЗА ТВОИМ КОШЕЛЬКОМ. ДАЛЬШЕ САМ ДОГАДАЕШЬСЯ ИЛИ КАК?

Какое-то существо из последних сил билось в забранное деревянной решеткой окошко птичьего питомника.

Еще некоторое время доносились царапающие звуки, слабые удары клювом, но наконец все стихло.

Хищные птицы внимательно смотрели на окно.

А потом на улице что-то сделало «в-вуф». Лучи ярчайшего света скользнули по противоположной от окна стене, и деревянная решетка стала медленно обугливаться.

Нянюшка Ягг прекрасно понимала: официальная церемония случится в Главном зале, но настоящее веселье будет царить на улице, рядом с огромным костром. Там, в замке, подадут перепелиные яйца, это ихнее варенье из гусиной печенки и маленькие бутербродики, которые нужно засовывать в рот по четыре штуки зараз, чтобы хоть что-то распробовать. А снаружи выставят жареную картошку с топленым сливочным маслом в огромных чанах и зажарят на вертеле целого оленя. А потом специально приглашенный циркач, дабы развлечь собравшихся, будет запускать себе в штаны дурностаев. Подобные зрелища нянюшка Ягг ценила превыше всякой оперы.

И как ведьма, она везде была желанной гостьей, о чем, кстати, никогда не мешает напомнить забывчивым вельможам... Таким образом, как следует поразмыслив, нянюшка решила остаться на улице и сытно поужинать олениной, тем более что, когда речь шла о бесплатном угощении, госпожа Ягг, подобно многим пожилым дамам, обладала практически бездонным желудком. Затем она проследует в королевский замок и заполнит оставшиеся в животе пустоты уже более изысканными блюдами. Кроме того, гостей в замке наверняка будут угощать этим дорожным шипучим вином, которое нянюшка очень любила, – главное, чтоб кружки были побольше. Однако опять-таки, прежде чем переходить на всякие экзотические напитки, желудок следовало хорошенько заправить пивом...

Обернувшись, она увидела неподалеку косолапый силуэт Агнессы. Девушка неловко поправляла остроконечную шляпу, видимо еще стесняясь появляться в своем новом головном уборе на публике.

– Расслабься, девочка, – приближаясь, посоветовала нянюшка. – Отведай оленинки. Такая вкуснятина...

Агнесса с сомнением оглядела жарящееся мясо. «Витамины – ничто, калории – все» – таков был один из негласных девизов Ланкра.

– Как думаешь, тут где-нибудь есть салат? – поинтересовалась Агнесса.

– Надеюсь, что нет, – с довольным видом ответила нянюшка.

– А народу собралось немало, – заметила Агнесса.

– О да, пригласили всех до единого, никого не забыли, – кивнула нянюшка. – Маграт, хвала богам, позаботилась об этом.

Агнесса, вытянув шею, окинула взглядом толпу.

– Что-то матушки нигде нет.

– Наверное, в замке, раздает указания...

– Честно говоря, последнее время я ее почти не вижу, – призналась Агнесса. – По-моему, она чем-то обеспокоена. Как-то странно ведет себя.

Нянюшка задумчиво прищурилась.

– Ты так считаешь? – спросила она, добавив в уме: «Похоже, девчушка, ты начинаешь кое в чем разбираться».

– Ну да. И ведет она себя так с тех самых пор, как мы узнали, ну, о рождении, – продолжала Агнесса, обводя пухлой ручкой буйство холестерина вокруг. – Она стала вся какая-то напряженная. Натянута, будто струна.

Нянюшка Ягг набила табаком трубку и чиркнула спичкой о подошву башмака.

– А ты, что называется, подметчатая, – промолвила она, попыхивая трубкой. – Все подмечаешь, подмечаешь... Внимательная ты наша.

– Ага. А еще я заметила, что ты, когда думаешь о чем-то неприятном, сразу хватаешься за свою трубку, – сказала Агнесса. – Это называется «перемещать свое внимание».

«А ты слишком много читаешь», – огрызнулась про себя нянюшка, скрываясь в клубах ароматного дыма. Впрочем, все ведьмы, жившие в том домике до Агнессы, были любительницами книжек. Они считали, будто в книжках отражается жизнь, – но что вообще можно разглядеть за всеми этими словами?

– Согласна, последнее время матушка какая-то замкнутая, – кивнула нянюшка Ягг. – Однако лучше к ней не лезть. Сама разберется.

– Я подумала, быть может, она недовольна священнослужителем, который будет совершать обряд Наречения?

– О, с братом Пердоре не будет никаких проблем, – возразила нянюшка. – Быстро пробормочет что-то на тарабарском наречии, получит за труды шесть пенсов, нальется бренди под завязку и уберется на своем ослике восвояси.

– Что? Разве ты не слышала? – удивилась Агнесса. – Брат Пердоре сейчас лежит в Скунде. Свалился с осла и сломал себе запястье и обе ноги.

Нянюшка Ягг даже вытащила трубку изо рта.

– А почему я ничего не знаю?

– Понятия не имею. Мне только вчера рассказала об этом госпожа Ткач.

– Вот гнусная баба! Я же встречалась с ней сегодня на улице. Уж могла бы и со мной поделиться!

Нянюшка сунула трубку в рот так, словно протыкала языки всем сплетницам мира.

– И вообще, как он умудрился переломать себе ноги? Он же с осла падал!

– Брат Пердоре ехал по тропке вдоль Скундского провала. Но ему повезло, летел он всего футов шестьдесят.

– И правда повезло. Осел мог быть и повыше.

– Поэтому король отправил гонца в омнианскую миссию в Охулане с просьбой прислать нам священнослужителя.

– Король... *что?* – изумленно переспросила нянюшка.

На поле, рядом с городком, стоял неумело натянутый серый шатер. Поднявшийся ветер радостно хлопал холстиной и раскачивал торчавший рядом шест с плакатом.

Надпись на плакате гласила: «АТЛИЧНЫЕ НОВАСТИ! ОМ ЗДРАВСТВУЕТ ТЕБЯ!»

На самом деле на ознакомительное богослужение, объявленное всемогучим отцом Овсом, никто не явился, но поскольку о службе уже объявили во всеуслышание, пути назад не было. В положенное время всемогучий отец вышел в чистое поле, пропел несколько жизнерадостных гимнов под собственный аккомпанемент на переносной фисгармонии и вознес пару молитв во славу ветра и небес.

А в данный момент довольно-таки преподобный Овес критически рассматривал себя в зеркале. Честно говоря, к зеркалам он испытывал двойственные чувства. Зеркала привели к расколу омнианской церкви и возникновению многочисленных сект: сторонники одних заявляли, что зеркала поощряют суетность, а следовательно, порочны; другая сторона, наоборот, считала зеркала священными, поскольку те отражают праведность Ома. Сам Овес так и не вынес для себя окончательного суждения, поскольку по природе своей являлся человеком, привыкшим рассматривать любой возникший вопрос с обеих сторон. Кроме того, эти святотатственные зеркала помогали справляться с неимоверно сложной задачей – правильно застегивать священнослужительский воротничок.

Воротничок все еще выглядел новым. Проводивший пасторские занятия зело преподобный Мекль советовал воспринимать касавшиеся крахмала правила исключительно как рекомендации, но Овес, внимательно относящийся ко всем мелочам, так крахмалил свои воротнички, что ими можно было бриться.

Он аккуратно повесил на грудь ярко блеснувший медальончик с изображением священной черепахи и взял в руки «Книгу Ома», которую получил на выпускной церемонии. Некоторые семинаристы прилежно шуршали страницами «Книги» по несколько часов в день, дабы доказать свое рвение, но Овес никогда не прибегал к подобным методам. Кроме того, он знал священное писание практически наизусть.

Исподволь чувствуя за собой некоторую вину (в семинарии предупреждали о недопустимости использовать священное писание для предсказания судьбы), довольно-таки преподобный Овес отвернулся в сторону и наобум открыл книгу.

Потом повернул голову обратно и быстро прочел первый попавшийся на глаза абзац.

Отрывок относился к середине Второго Письма Бруты Омнианам, в котором Брута слегка журил их за то, что они не ответили на Первое Письмо.

«...Тишина – вот есмь ответ, ставит каковой исчо три вопроса. Ищите и обрящите, однаково прежде должны вы знать, што искать надобно...»

Понятно. Овес захлопнул книгу.

Что за страна! Что за дыра! После богослужения он немного прогулялся, и у него сложилось впечатление, что любая тропка или дорога ведет либо к утесу, либо к глубокой пропасти. Никогда прежде ему не приходилось бывать в столь *вертикальной* стране. Какие-то твари зловеще шуршали в кустах, а еще он заляпал грязью башмаки. Что же касалось людей, с которыми ему удалось повстречаться, – они были простыми невежественными селянами, солью земли, но почему-то они опасливо наблюдали за ним издали, словно с ним вот-вот должно было что-то случиться и они не хотели оказаться рядом, когда это произойдет.

Тем не менее, размышлял Овес, в Письме Бруты Симонитам недвусмысленно говорится: хочешь увидеть свет – помести его источник в темное место. И он, Овес, находился сейчас как раз в таком темном месте.

Он быстро произнес молитву, вышел из шатра и скрылся в грязной, продуваемой всеми ветрами ночи.

Озаряемая светом полумесяца, матушка летела над раскачивающимися макушками деревьев.

К половинчатой луне она всегда испытывала некоторое недоверие. Полная луна способна лишь убывать, молодая луна, наоборот, – только прибывать, но полумесяц, опасно балансирующий на грани света и тьмы... от полумесяца можно ждать чего угодно.

Однако ведьмы привыкли жить на грани. Матушка чувствовала покалывание в руках, и холодный воздух был тут совсем ни при чем. Где-то возникла эта самая *грань*. Что-то назревало.

На другом краю неба разливалось центральное сияние, столь яркое, что на его фоне полумесяц выглядел жалкой загогулиной. Похожие на языки пламени зеленые и золотистые вспышки плясали над горами, высящимися в самом центре мира. Очень необычное зрелище для этого времени года – и наверняка оно что-то предвещает.

Деревушка по имени Ломоть робко жалась к скалам на самом краю широкой расщелины, которая так и не доросла до чести называться долиной. Матушка уже заходила на посадку, когда тусклый свет полумесяца выхватил из темноты сада бледное лицо поджидавшего ее человека.

– Вечер добрый, господин Плющ, – поздоровалась матушка, спрыгивая с помела. – Она наверху?

– В сарае, – вяло произнес Плющ. – Корова ее лягнула... Сильно.

Лицо матушки осталось бесстрастным.

– Ну, посмотрим, что можно сделать, – сказала она.

Одного взгляда на госпожу Господиеси было достаточно, чтобы понять: сделать можно было немного. Эта женщина не принадлежала к числу ведьм, но, прожив всю жизнь в далекой деревушке, изрядно поднаторела в практическом акушерстве, помогая рожать коровам, лошадям, козам и людям.

– Скверно дело, – шепнула она матушке, разглядывавшей стонавшую на соломе женщину. – Видать, потеряем обеих... ну, или одного.

В этой ее фразе содержался едва заметный, практически неслышный вопрос. Матушка сосредоточилась.

– Это – мальчик, – констатировала она.

Госпожа Господиеси не стала уточнять, каким образом матушка это узнала, но по изменившемуся выражению ее лица можно было ясно догадаться: бремя вероятной утраты стало еще более непосильным.

– Пойду-ка предупрежу Джона Плюща, – сказала повитуха.

Однако она и шагу сделать не успела. Железная рука матушки сомкнулась на ее запястье.

– Он тут ни при чем.

– Но ведь он...

– Он тут ни при чем.

Госпожа Господиеси заглянула в голубые матушкины глаза и осознала две вещи. Во-первых, господин Плющ действительно тут ни при чем, а во-вторых, то, что вот-вот произойдет в амбаре, не касается ни одной живой души на свете.

– Кажется, я их припоминаю, – пробормотала матушка, отпуская ее руку и закатывая рукава. – Приятная парочка. Он хороший муж. Во всех отношениях.

Повернувшись к стоящей на кормушке миске, она плеснула туда из кувшина теплой воды. Госпожа Господиеси кивнула.

– И поля на этих склонах не дар божий. В одиночку, поди, с ними труднехонько справляться, – продолжала матушка, опуская в миску руки.

Госпожа Господиеси снова кивнула. Лицо у нее скорбно вытянулось.

– Думаю, госпожа Господиеси, лучше будет, если ты уведешь его в дом и нальешь ему чашечку чая, – приказала матушка. – Можешь передать, я сделаю все, что в моих силах.

И опять повитуха кивнула – на сей раз с благодарностью.

Когда она ушла, матушка положила ладонь на влажный лоб госпожи Плющ.

– Ну, Флоренс Плющ, – промолвила она, – посмотрим, что можно сделать. Но сначала... избавим тебя от боли.

Чуть повернув голову, она увидела полумесяц за незастекленным окном. Между светом и тьмой... Что поделать, иногда ты там, где ты есть, и выбора у тебя нет.

– БЕЗУСЛОВНО.

Матушка даже не обернулась.

– Так я и думала, что ждать тебя не придется, – сказала она, опускаясь на колени в солому.

– Я НИКОГДА НЕ ЗАСТАВЛЯЮ СЕБЯ ЖДАТЬ, – откликнулся Смерть.

– Ты знаешь, за кем пришел?

– ВЫБИРАЮ НЕ Я. НА САМОЙ ГРАНИ ВСЕГДА НАЛИЧЕСТВУЕТ НЕКОТОРАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ.

Матушка почувствовала, как в голове возникли слова, похожие на тающие кубики льда. Стало быть, на самой-самой грани есть место... выбору.

– Рана слишком серьезная, – произнесла она наконец. – Слишком.

Через несколько минут она почувствовала, как мимо проскользнула жизнь. Смерть тактично удалился, не сказав больше ни слова.

Когда госпожа Господиеси дрожащей рукой постучалась в дверь и вошла, то обнаружила матушку в коровьем стойле. Заслышав шаги, матушка Ветровоск выпрямилась – в руке она сжимала большой шип.

– Вот, торчал у нее в ноге, – промолвила матушка. – Неудивительно, что она взбесилась. Попытайся убедить его не забивать корову. Она им еще пригодится.

Госпожа Господиеси бросила взгляд на завернутое в одеяло маленькое тельце, лежавшее чуть в сторонке. Госпожа Плющ мирно спала.

– Я сама ему сообщу, – продолжала матушка, стряхивая с подола солому. – Что же касается ее... Ну, она молода, здорова, в общем, ты справишься. Приглядывай за ней, а через пару дней либо я загляну, либо нянюшка Ягг. Кстати, в замке вот-вот понадобится кормилица, предложи ей. Так будет лучше для всех.

Ни один из жителей Ломтя не посмел бы возражать матушке Ветровоск, и тем не менее по лицу повитухи скользнула тень неодобрения. Матушка, конечно, это заметила.

– Ты по-прежнему считаешь, что я должна была посоветоваться с господином Плющом? – спросила она.

– Я бы именно так и поступила... – пробормотала повитуха.

– Он тебе не нравится? Ты считаешь его плохим человеком? – поинтересовалась матушка, поправляя шляпные булавки.

– Да что ты!

– Вот и мне он ничем не насолил, чтобы я делала ему еще больше.

Агнесса вприпрыжку поспешала за нянюшкой Ягг. Доведенная до белого каления нянюшка могла двигаться с такой скоростью, словно где-то внутри ее начинали работать поршни.

– Но, нянюшка, к нам, в Овцепики, частенько заглядывают всякие жрецы! Самые разные!

– Омнианам тут не место! – отрезала нянюшка. – В прошлом году они тут появлялись! Парочка даже посмела *постучаться* в мою дверь!

– Но дверь именно для этого и предна...

– А *еще* они подсунили под нее листовку! С надписью «Раскайся!», – продолжала нянюшка. – Раскаяться? Мне? П-фу! В мои-то годочки уже поздно начинать каяться. Этак ни минутки свободной не останется. Кроме того, – добавила она, – я почти ни о чем не жалею.

– Ты сейчас слишком раздражена. Наверное...

– Они жгут людей заживо! – рявкнула нянюшка.

– Да, такое случалось, но я читала, что это все в прошлом, – возразила задыхающаяся Агнесса. – Это было очень давно! А те жрецы, что я видела в Анк-Морпорке, только раздавали листовки, молились в большом шатре и распевали довольно-таки заунывные песенки...

– Ха! Сколько леопарда ни крась, все равно в лес смотрит!

Они пробежали по длинному коридору и вылетели из-за ширмы в кишачий людьми Главный зал.

– Всяких важных шишек по самые колени, – вытянув шею, пробормотала нянюшка. – Ага, вот и наш Шончик...

Единственный солдат регулярной армии Ланкра стеснительно прятался за колонной. На голове у него красовался парадный парик на несколько размеров больше положенного.

В королевстве практически отсутствовала исполнительная ветвь власти, а поэтому большую часть должностей занимал младший сын нянюшки Ягг. Несмотря на отчаянные попытки достаточно прогрессивного, но слегка нервного короля Веренса навязать жителям Ланкра демократию, правительства в королевстве, как это ни прискорбно, так и не организовалось. Впрочем, некоторые функции – самые насущные – выполнял Шон. Он, к примеру, чистил

уборные в замке, доставлял скудную почту, охранял крепостные стены, руководил королевским монетным двором, сводил бюджет с бюджетом, а в свободное время помогал садовнику.

Он же периодически брал границу под замок (по мнению короля Веренса, раскрашенные в желто-черную полоску столбики придавали стране весьма и весьма профессиональный вид) и штамповал паспорта, ну, или любой другой клочок бумаги, протянутый гостем, – например, старый конверт. Печать Шон старательно вырезал из половинки картофелины.

Да и вообще, к исполнению своих обязанностей Шон относился исключительно серьезно. Он дворцевал, когда дворецкий Прыжкинс по каким-то причинам не выходил на работу, или лакировал, когда требовались дополнительные лакеи.

– Добрый вечер, наш Шончик, – поздоровалась нянюшка Ягт. – Вижу, ты опять напялил на голову эту свою дохлую овцу.

– Ну, ма-ам... – протянул Шон, отчаянно пытаясь поправить парик.

– А где тот священнослужитель, что будет производить обряд Наречения? – спросила нянюшка.

– Кто, мам? А, мам, не знаю. Полчаса назад я закончил выкрикивать всякие имена и принялся разносить кусочки сыра на палочках³. Ой, мам, ты слишком много берешь!

Одним небрежным движением нянюшка Ягт загребла сразу четыре палочки, в момент проглотила нанизанные на них квадратики и окинула оценивающим взглядом толпу.

– Придется серьезно поговорить с юным Веренсом, – сказала она.

– Нянюшка, он же король, – напонила Агнесса.

– Это еще не повод корчить из себя коронованную особу.

– А по-моему, именно что повод.

– Хватит дерзить. Лучше найди этого омнианина и не спускай с него глаз.

– И как я его найду? – раздраженно осведомилась Агнесса. – По столбу дыма?

– Они всегда одеваются в черное, – твердо заявила нянюшка. – Ха! Как это типично!

– Правда? Мы тоже.

– Разумеется! Но наш... Наш... – нянюшка гордо стукнула себя по груди, вызвав в той области некоторое волнение, – наш черный цвет – он правильный, понятно? Ступай и постарайся не привлекать к себе внимания, – добавила она так, словно на голове Агнессы не было двухфутовой остроконечной шляпы.

Затем нянюшка снова окинула взглядом толпу и толкнула в бок сына.

– Слушай, Шончик, а матушке Эсме Ветровоск ты ведь доставил приглашение, а?

– Конечно, доставил, мам, – ответил Шон, разом побледневший от ужаса.

– Подсунул под дверь?

– Нет, мам. В прошлом году она мне такую головомойку устроила, когда нашла открытку всю в слизняках. Поэтому я вставил приглашение в дверную петлю. Я проверил, мам, выпасть оно не могло.

– Молодец, – похвалила сына нянюшка.

Почтовые ящики в Ланкре как-то не прижились. Почта, в отличие от пронизывающего ветра, приходила сюда нечасто, а всякая лишняя щель в двери – это лишний сквозняк. Поэтому письма оставляли на крыльце, придавив булыжником, вставляли в цветочные горшки или подсовывали под дверь.

Да и вообще, письма ланкрцы не жаловали⁴.

³ Несмотря на категорический отказ иметь что-либо общее с демократией («зачем-еще-нужен-король-а-если-он-где-ошибется-так-мы-его-сразу-поправим!»), слуги из жителей Ланкра получались неважные. Да, они могли готовить еду, копать землю, стирать белье, дворцевать, лакировать, но состояние прислуживания было абсолютно чуждо менталитету среднего ланкрца. Тем не менее король Веренс с пониманием относился к данной проблеме и не сказал ни слова, когда Шон пригласил гостей в обеденный зал криком: «Знатный харч! Навались, пока не остыло!»

⁴ За исключением почтовых переводов, к которым прилагались записки примерно одинакового содержания: «Дорогие мам

Ланкр был довольно-таки враждебным государством, то есть все ланкрцы постоянно враждовали друг с другом. Некоторые распри длились уже много поколений и даже приобрели антикварную ценность. В Ланкре считалось, что застарелая кровная вражда приравнивается к добродушному выдержанному вину. Ее следует бережно хранить и передавать детям по наследству.

Никто никому ничего не писал. Нужно что-то сказать? Говори в лицо. Таким образом котел распри всегда поддерживается в бурлящем состоянии.

Чувствуя себя полной дурой, Агнесса пробиралась сквозь толпу. Честно говоря, в последнее время она частенько чувствовала себя дурой. Теперь-то она понимала, почему Маграт Чесногк всегда носила глупые платья в цветочек и никогда не надевала остроконечную шляпу. Стоит только надеть такую шляпу и облачиться в черное (а в Агнессином случае черной материи потребовалось немало), и отношение к тебе мгновенно меняется. Ты сразу становишься ведьмой. В этом, конечно, есть свои преимущества, но к недостаткам можно отнести тот факт, что люди, попав в беду, сразу бегут к тебе, ни секунды не сомневаясь, что ты им поможешь.

Зато Агнессу теперь уважали – даже те люди, которые помнили ее по прошлой жизни, когда ей еще не разрешалось носить шляпу. К примеру, ей уступали дорогу... впрочем, и раньше, если Агнесса куда-то спешила, прохожие старались побыстрее убраться с ее пути.

– Вечер добрый, госпожа...

Она повернулась и увидела облаченного в парадный мундир Ходжесааргха.

В такие моменты крайне важно сдерживать улыбку, поэтому лицо Агнессы осталось неприкосновенным, хотя она с трудом справлялась с рвущимся наружу истерическим хохотом Пердиты.

Она иногда встречалась с Ходжесааргхом в лесу или на болотах. Как правило, королевский сокольник был занят тем, что пытался отбиться от своих подопечных. У каждой птицы была собственная любимая пытка Ходжесааргха. К примеру, Король Генри любил поднять его в воздух, а потом отпустить – очевидно принимая сокольника за гигантскую черепаху.

И не то чтобы Ходжесааргх был настолько плох в своем деле. Наоборот, некоторые ланкрцы, державшие дома хищных птиц, считали его одним из лучших дрессировщиков в горах – возможно, потому, что нужного результата Ходжесааргх добивался всегда. И результат этот был настолько хорош, что ни одна пернатая машина убийств, выдрессированная Ходжесааргхом, не в силах была противиться позыву попробовать своего учителя на вкус.

Разумеется, он этого не заслуживал. Как не заслуживал такого вот парадного мундира. Обычно, когда рядом не было Короля Генри, Ходжесааргх был одет в рабочую кожаную форму и пару-тройку пластырей, но сейчас на нем красовался мундир, придуманный несколько веков назад человеком, который весьма лирически относился к сельской местности и которому ни разу не доводилось продираться сквозь заросли в попытке спастись от настигающего гироскопа. В мундире преобладали красные и золотые тона, и подобное одеяние смотрелось бы куда лучше на человеке парой футов выше и с ногами, более подходящими для красных чулок. Шляпа... о ней вообще лучше было промолчать. Правда, если бы вас все-таки вынудили что-нибудь сказать, вы бы описали ее как нечто огромное и красное, с обвисшими полями. Да еще и с пером.

– Госпожа Нитт? – произнес Ходжесааргх.

– Прошу прощения... Засмотрелась на твою шляпу.

– Хороша, верно? – добродушно откликнулся Ходжесааргх. – А это Вильям. Она канюк, хотя считает себя курицей. Летать она не умеет, и сейчас я учу ее охотиться.

Агнесса крутила головой в поисках каких-либо признаков религиозной деятельности, но это несуразное взъерошенное существо, сидевшее на запястье Ходжесааргха, не могло не привлечь ее внимания.

– Охотиться? И как же? – переспросила она.

– Она залезает в норы и затаптывает кроликов до смерти. Кстати, мне почти удалось отучить ее кудахтать. Верно, Вильям?

– Вильям? – переспросила Агнесса. – Ах да...

Она вспомнила, что для сокольников все хищные птицы – женского рода.

– Кстати, ты тут, случаем, омниан не встречал? – поинтересовалась она.

– А к какому виду птиц они относятся? – смущенно спросил сокольниковый.

Когда речь шла не о хищных птицах, Ходжесааргх чувствовал себя немного неловко, подобно человеку с очень большим словарем, в котором отсутствует именной указатель.

– О... Ладно, ничего, забудь. – Агнесса снова посмотрела на Вильяма. – Но как? То есть как так произошло, что он... она возомнила себя курицей?

– Обычное дело, – махнул рукой Ходжесааргх. – Томас Безрод из Дурного Зада нашел яйцо и подложил его под курицу-наседку. А птенца вовремя не забрал. Поэтому Вильям решила, что раз ее мама – курица, значит, и она курица.

– Ну, это...

– Такое частенько случается, госпожа. Вот лично я, когда выращиваю их из яиц, поступаю совсем иначе. У меня есть специальная перчатка...

– Все это крайне интересно, но я вынуждена тебя оставить, – быстро произнесла Агнесса.

– Конечно, госпожа.

Спустя несколько минут беспельных блужданий по залу Агнесса наконец обнаружила того, кого искала.

Было в этом человеке что-то легко узнаваемое. Словно он сам был ведьмой. И дело было вовсе не в черной рясе, из-под которой торчали ноги в серых носках и сандалиях, и не в шляпе с крошечной тульей и полями настолько широкими, что на них можно было подавать обед. Просто куда бы священнослужитель ни направлялся, его, как и ведьм, сопровождало пустое пространство. Люди стараются не подходить к ведьмам слишком близко.

Она никак не могла разглядеть его лица. Омнианин повернулся и направился к буфету.

– Госпожа Нитт, прошу прощения...

Рядом с ней обнаружился Шон. Он старался двигаться как можно осторожнее, потому что при любом резком движении парик сразу начинал вращаться.

– Да, Шон?

– Королева желает поговорить с тобой, госпожа.

– Со мной?

– Да, госпожа. Сейчас ее величество находится в Кошмарно-Зеленой гостиной.

С этими словами Шон осторожно развернулся, намереваясь уходить. Парик остался смотреть в ту же сторону, что и прежде.

Некоторое время Агнесса стояла в раздумьях. Только что она получила приказ королевы – пусть даже исходящий от Маграт Чесногк, – который, надо полагать, отменял любые распоряжения нянюшки. Кроме того, омнианин был обнаружен – он спокойно себе закусывал и никого жечь не собирался, во всяком случае, пока. Значит, следовало поспешить к королеве.

За спиной угрюмо понурившегося Игоря распахнулась маленькая дверца.

– А *сейчас* почему мы остановились?

– Тролл на дороге, герр мафтер.

– Что?

Игорь закатил глаза.

– Тролл на дороге, – повторил он.

Дверца с треском захлопнулась. Из кареты донесся шепот, и дверца снова распахнулась.

– Ты хотел сказать «тролль»?

– Да, герр мафтер.

– Так переедь его!

Троль приближался, держа над головой горящий факел. Кто-то где-то, очевидно, решил: «А вот было бы здорово одеть этого тролля в форму», но только потом понял, что в арсенале можно найти лишь одну часть формы, подходящую по размеру, а именно – шлем. И то держаться он будет, только если привязать его к трольей голове шнурком.

– Фтарый граф никогда бы не приказал мне переезжать тролля, – пробормотал Игорь, правда, недостаточно тихо. – Но граф ведь бывал *благородных кровей*.

– Что ты там бормочешь? – раздался визгливый женский голос.

Троль подошел к карете и почтительно стукнул по шлему костяшками пальцев.

– Добрый вечерок, – сказал он. – Очень неудобная ситуевина... Но ты знаешь, что такое кол?

– Кол? – мгновенно насторожился Игорь.

– Ну, длинная деревянная штуковина...

– Да? И что?

– Ага. А теперь представь себе, что эта дорога перегорожена таким вот колом с желтыми и черными полосками. Только его тутова нет, потому как у нас только один кол, и сейчас он перегораживает дорогу к Медной горе...

Дверца распахнулась.

– Ну, что ты застрял? Переедь его и гони дальше!

– Я, конечно, могу сбегать и принести его, – предложил троль, переминаясь с одной лапицы на другую. – Только раньше следующего утра не обернись, понимаешь? Но ты можешь притвориться, будто он тутова, а я могу притвориться, будто поднимаю его. И все будет полный порядок.

– Ладно, – кивнул Игорь, не обращая внимания на недовольное ворчание за спиной.

Старый граф вежливо относился к троллям, пусть даже об их шеи можно было все зубы обломать. Вот что значит *истинный* вампир, высший класс.

– Но сначала я должен штой-нибудь пропечатать, – сказал троль, показывая половину картофелины и пропитанную краской тряпку.

– Зачем?

– Это будет значить, что вы мимо меня проехали.

– Понятно, но мы и так ехайте мимо тебя, – заметил Игорь. – Все фтанут это знать, потому что мы по-нафтоящему проезжайте.

– Да, но если я вас пропечатаю, это будет значить, что вы проехали *официально*, – не сдавался троль.

– А что будейт, если я профто ежайте дальше? – спросил Игорь.

– Э-э... Тогда я не подниму тебе кол, – сказал троль.

Поставленные в тупик этой метафизической головоломкой, оба посмотрели туда, где виртуальный кол перегораживал дорогу.

В другой ситуации Игорь не стал бы терять времени даром, но семейка начинала действовать ему на нервы, и он отреагировал на это обычным для обиженного слуги способом, то есть вдруг стал тупым. Обернувшись, он обратился через дверцу к пассажирам кареты:

– Пункт перефекать границу, герр мафтер. Нам должны что-нибудь штамповать.

Из кареты снова донесся возбужденный шепот, потом через дверное окошко просунулся белый конверт с золотой окантовкой. Игорь передал конверт троллю.

– И не жаль мараить-то? – поинтересовался троль и неумело шлепнул на конверт печать.

– И что это такойт? – резко спросил Игорь.

– Не понял?

– Этот... глупый знак!

– Ну, картофелина попалась маленькая, а печать надо было сделать, да только я понятия не имел, как выглядит ента самая печать, но, по-моему, уточка получилась очень похоже, – сообщил тролль и радостно добавил: – Сам вырезал. Ну... ты готов? Потому что я поднимаю кол. Вот он поднимается, поднимается... Смотри, смотри, как торчит. Енто значит, вы можете ехать.

Стронувшись с места, карета прокатилась чуть-чуть, но перед самым мостом снова остановилась.

Тролль, твердо знающий, что долг его выполнен, нерешительно направился к экипажу. И когда подошел поближе, услышал совершенно непонятный, на его взгляд, разговор. Впрочем, с точки зрения Большого Биф-Джима, таковыми были все разговоры, если в них употреблялись слишком длинные слова.

– Итак, все вы, слушайте внимательно...

– Ну, пап, сколько можно твердить об одном и том же?..

– Истина не кол, чем глубже вобьешь, тем легче жить. Там, внизу, – река Ланкр. Проточная вода. И сейчас мы пересечем этот поток. Хочу напомнить, ваши предки, которые частенько переезжали с места на место и преодолевали весьма значительные расстояния, – так вот, все они твердо верили в собственную неспособность пересекать проточную воду. Есть необходимость объяснять наличествующее тут противоречие?

– Нет, папа.

– Отлично. Культурные условности – чистая смерть для нас, поэтому лишняя предосторожность не повредит. Игорь, трогай.

Тролль долго смотрел вслед удаляющемуся экипажу. Словно бы волна холода перекатилась за каретой через мост.

Матушка Ветровоск снова парила в воздухе, наслаждаясь его свежестью и прозрачностью. Она летела высоко над деревьями, и, к счастью для всех, лица ее сейчас никто не видел.

Внизу мелькали отдельные домишки; кое-где горел свет, но большая часть окон была погружена в темноту. Все давным-давно отбыли на пиршество во дворец.

Под каждой крышей скрывается своя история, подумала матушка. Об историях она знала все. Но там, под крышами, в маленьких комнатках, развивались истории совсем другого сорта, незначительные и тайные, которые нигде никогда не будут рассказаны.

В них повествовалось о временах, когда медицина бессильна, а головология бесполезна, когда разум – это шквал боли в человеческом теле, которое стало врагом самому себе. О временах, когда люди попадают в плен собственной плоти и когда нет другого выхода, кроме как *отпустить* их. И даже не нужно прибегать к помощи той же подушки или как бы случайно путать лекарства. Нет необходимости выталкивать их из мира, нужно просто сделать так, чтобы мир перестал их удерживать. Протяни руку и... укажи путь.

И никакие слова тут не требуются. Порой на лицах родственников видишь просьбу, которая никогда не будет выражена вслух, а иногда люди говорят: «Ему можно хоть чем-то помочь?», и эта фраза является своего рода кодовой. Но если спросить напрямую, на лицах сразу возникает потрясенное выражение: мол, как такое возможно подумать, мы же совсем не то имели в виду, хотели, типа, подушечку под спину подложить.

Любая повитуха, которую хоть однажды вызывали в далекий домик в кровавую ночь, знавала все эти маленькие тайны...

Которые никогда нигде не будут поведаны...

Матушка всю жизнь была ведьмой, а ведьме частенько приходится принимать решения. Ведьмы живут на грани. Ты принимаешь решения, чтобы их не пришлось принимать другим, чтобы те, другие, могли притвориться: а и не было нужды принимать решения, не было никаких

маленьких тайн, все просто *случилось*. А ты никому не рассказываешь о том, что знаешь, и ничего не требуешь взамен.

Наконец матушка увидела ярко освещенный замок. У костра виднелись маленькие людские фигурки.

Но вдруг нечто иное привлекло ее внимание, потому что сейчас матушка готова была смотреть куда угодно, только не на замок, и настроение мгновенно изменилось. Туман переливался через горы, заполняя далекие, озаренные лунным светом долины. И одна тонкая струйка тянулась напрямик к замку, медленно, очень медленно стекая в Ланкрский провал.

Разумеется, весной, когда меняется погода, туман не такое уж редкое явление, но эта струйка ползла со стороны Убервальда.

Дверь в покои Маграт открыла служанка Милли Хлода. Присев перед Агнессой, вернее, перед ее шляпой, в почтительном реверансе, Милли торопливо выскочила из комнаты, оставив молодую ведьму наедине со стоявшей у туалетного столика королевой.

В правилах протокола Агнесса не больно-то ориентировалась, но на всякий случай попыталась исполнить нечто вроде республиканского реверанса, что вызывало изрядное волнение в телесных регионах.

Королева ланкрская Маграт, громко высморкавшись, запихнула носовой платок в рукав халата.

– А, Агнесса, привет, – кивнула она. – Ты присаживайся, присаживайся. И перестань подпрыгивать. Милли тоже вот так прыгает, а меня от этого укачивает. И вообще, королевских особ ведьмы должны приветствовать поклоном.

– Э... – произнесла Агнесса и бросила взгляд на стоявшую в углу колыбель, украшенную непозволительным количеством кисточек и кружевных оборочек.

– Она спит, – успокоила ее Маграт. – А, колыбель? Веренс заказал ее из самого Анк-Морпорка. Я сказала, меня вполне устраивает старая, но он такой... современный, понимаешь? Да сядь ты наконец!

– Вы вызвали меня, ваше вели... – нерешительно произнесла Агнесса.

Вечер обещал быть сложным. Кроме того, она никак не могла определиться в своих чувствах к Маграт. В домике, где сейчас жила Агнесса, до сих пор бродило эхо Маграт – старый браслет под кроватью, небрежные пометки в каких-то древних блокнотах, вазы с давно увядшими цветами... Если судить по завалившимся за комод вещам, то о человеке можно составить весьма странное представление.

– Просто хотела поболтать с тобой, – сказала Маграт. – Все так... Понимаешь, на самом деле я довольна жизнью, однако... Милли очень милая девушка, но она во всем соглашается со мной, а нянюшка и матушка относятся ко мне так, словно я, гм, ну, не совсем королева... Не то чтобы я настаивала, нельзя ж все время относиться ко мне как к королеве, но, вообще-то, хотелось бы, чтобы они осознавали: я – королева, пусть даже им не обязательно так ко мне относиться... Если ты понимаешь, что я имею в виду.

– *Наверное*, понимаю, – осторожно откликнулась Агнесса.

Пытаясь объяснить необъяснимое, Маграт взмахнула руками. Из рукавов во все стороны полетели использованные носовые платки.

– То есть... У меня начинает кружиться голова, когда люди постоянно подпрыгивают, поэтому я хочу, чтобы они думали: «О, это Маграт, она теперь королева, но я буду относиться к ней как к нормальному человеку...»

– Ну, или чуточку почтительнее, потому что она все-таки королева, – добавила Агнесса.

– Гм... да, возможно. На самом деле нянюшка не так уж плоха, по крайней мере, она ко всем относится одинаково, но когда на меня смотрит матушка, сразу понятно, что она думает: «Ага, вот и Маграт. А ну-ка, Маграт, завари-ка чайку». Клянусь, когда-нибудь я не выдержу

и нагрублю ей. Они как будто считают, что это всего лишь очередное мое увлечение. Вроде как хобби!

– Прекрасно тебя понимаю.

– Словно бы я вот-вот все брошу и снова стану ведьмой. Конечно, вслух они об этом не говорят, но наверняка именно так и считают. Они просто не понимают, что может быть другая жизнь.

– Ага.

– Как там мой старый домик?

– Мышей много.

– Знаю. Я всегда их подкармливала. Только матушке не говори. Кстати, она здесь?

– Пока не видела, – ответила Агнесса.

– Понятно. Ждет подходящего момента. Хотя признаюсь честно: мы с матушкой во всяких передрыгах бывали, но на *этом* я ее так и не поймала. На том, чтобы она действительно *выбирала* момент. Ты или я просто болтались бы по залу или где-нибудь неподалеку, выжидая подходящее время, а она просто возьмет и войдет. И, как потом выяснится, в самый ответственный момент.

– Это время должно подходить к тебе, а не ты ко времени, – процитировала Агнесса. – Любимая матушкина присказка.

– Вот именно, – кивнула Маграт.

– Вот именно, – кивнула Агнесса.

– Стало быть, ты ее не видела? Но мы же ей первой открытку послали! – Маграт наклонилась чуть ближе. – Веренс приказал нанести на картонку побольше позолоты. Удивлюсь, если она не зазвенела, когда матушка бросила ее на стол. Кстати, ты хорошо завариваешь чай?

– Они постоянно жалуются.

– Даже не сомневалась. Нянюшке – три кусочка сахара, верно?

– И чай все время я покупаю. Они ни разу не скинулись, – ответила Агнесса и принялась: в воздухе витал едва заметный запах плесени.

– Ну, что тут скажешь... С печеньем тоже не стоит возиться, – заметила Маграт. – Я столько времени у печки проторчала, выпекала всякие полумесяцы и так далее. Проще купить готовое в лавке.

Она тоже принялась.

– Это не ребенок, – решительно заявила Маграт. – Наверное, Шон Ягг был так занят подготовкой к празднику, что не чистил уборные уже недели две как. Поэтому, когда ветер задует, из Звонницы сразу тянет. Я пыталась развешивать ароматные травы, но они как будто растворяются.

Маграт выглядела несколько неуверенной, словно ее беспокоила куда более серьезная проблема, нежели плохие санитарные условия в замке.

– Э-э... Но она ведь должна была получить приглашение, верно?

– Шон уверяет, что доставил его, – пожала плечами Агнесса. – А она, скорее всего, сказала... – Голос ее вдруг изменился, стал четким и резким. – «Только этого не хватало в моем возрасте. Никогда я вперед не выставлялась, и никто не может меня в этом упрекнуть».

Маграт даже открыла рот от удивления.

– Так похоже, аж мурашки по коже.

– Один из немногих моих талантов, – откликнулась Агнесса уже нормальным голосом. – Роскошные волосы, чудесный характер, отличный слух.

«И две головы в одной», – добавила Пердита.

– Она обязательно появится, – продолжила Агнесса, пытаясь не обращать внимания на свое внутреннее «я».

– Но уже половина одиннадцатого... Ничего себе, а мне еще нужно одеться. Ты помо-
жешь?

Она поспешила в гардеробную, а Агнесса поплелась следом.

– Я даже приписала внизу, что прошу ее стать крестной, – сообщила Маграт, садясь перед
зеркалом и копаясь среди бесчисленных баночек с гримом. – Она ведь всегда хотела стать
крестной, только никому не говорила.

– Тот еще подарочек новорожденному, – не подумав, ляпнула Агнесса.

Окутанная облаком пудры рука Маграт замерла на полпути к лицу, и в зеркале на мгно-
вение отразились глаза, в которых застыл ужас. Но буквально сразу челюсть Маграт напряг-
лась, и выражение лица королевы стало таким, каким иногда бывало у матушки.

– Будь у меня выбор, чего пожелать ребенку: здоровья, счастья и богатства или того,
чтобы рядом с ним всегда была матушка Ветровоск, я бы не колебалась ни секунды, – сказала
Маграт. – Ты же видела ее в действии.

– Пару раз, – призналась Агнесса.

– Ее никто не сможет победить, – продолжала Маграт. – А уж если ее загнать в угол...
В общем, она умеет... ну, как будто переместить часть себя в безопасное место. Словно пере-
дает себя кому-то другому, чтобы спрятаться на время. Ты же наверняка знаешь про эти ее
Заемствования?

Агнесса кивнула. Нянюшка, разумеется, предупреждала ее, но все равно неприятно это
как-то – зайти в домик матушки и наткнуться там на Эсме Ветровоск, вытянувшуюся на полу,
будто палка, и с табличкой «Я НИ УМИРЛА» в посиневших руках. Хотя это всего-навсего
означало, что сейчас матушка пребывает где-то еще и смотрит на жизнь глазами барсука или,
допустим, голубя, путешествуя в чужом разуме в качестве тайком подсевшего пассажира⁵.

– Это как с теми колдунами из Очудноземья, – продолжала Маграт. – Чтобы их нельзя
было убить, они прячут свои сердца в кувшинах в потайном месте. У меня в домике где-то
есть книжка про них.

– Тут вряд ли потребуется особо большой кувшин, – заметила Агнесса.

– Это было нечестно, – сказала Маграт и вдруг замолчала. – Ну... По большей части
нечестно. Зачастую. По крайней мере иногда. Слушай, не сможешь застегнуть этот треклятый
воротничок, а?

Со стороны колыбели донеслось какое-то бульканье.

– И как ты ее назовешь? – спросила Агнесса.

– Всему свое время, – ответила Маграт. – Скоро ты все узнаешь.

«Отчасти это даже правильно, что она мне ничего не сказала», – думала Агнесса, следуя
за Маграт и фрейлинами в сторону Главного зала. В Ланкре детей нарекали ровно в полночь,
чтобы новый день они начинали с новым именем. Хотя почему это правильно, Агнесса и сама
не знала. Просто... кто-то когда-то решил, что это работает. А ланкрцы никогда не разбра-
сывались тем, что работает. Основная беда заключалась в другом: они наотрез отказывались
менять то, что и так работает.

И, насколько она слышала, данное положение дел крайне тяготило короля Веренса, кото-
рый учился царствовать исключительно по книжкам. Его планы по усовершенствованию ирри-

⁵ В свободное от всех прочих занятий время матушка Ветровоск увлекалась так называемым Заемствованием, то есть она перемещала свой разум в голову какого-нибудь существа и некоторое время путешествовала там. Согласно мнениям знатоков, за последние несколько веков матушка считалась наиболее искусной в данном виде ведьмовства в Овцепикских горах – она была способна проникнуть даже в разум существа, фактически *не обладавшего* разумом. На практике же это означало, что в Ланкре жестокость к животным, которая считается одной из отличительных черт всякой сельской идиллии, практиковалась куда реже, чем где-либо еще. Ведь крыса, в которую ты сегодня бросил кирпич, вполне могла оказаться ведьмой, к которой ты завтра обратишься за лекарством от зубной боли. А еще это означало, что человек, навестивший матушку без приглашения, вполне мог обнаружить на полу хижины ее холодное и безжизненное тело. Табличка предназначалась именно для того, чтобы предотвратить неизбежную панику и всяческие тревожения.

гации и сельского хозяйства в Ланкре были встречены дружными аплодисментами подданных, но потом эти самые подданные пальцем о палец не ударили ради воплощения королевских проектов в жизнь. Точно так же был проигнорирован план по усовершенствованию ассенизации, главная мысль которого заключалась в том, что такая система просто обязана существовать. Но, по мнению подданных короля Веренса, всякая система шикарна, если к уборной ведет утоптанная тропинка, а на веревочке всегда висит каталог «товары почтой» с действительно мягкими страницами.

Примерно с той же радостью ланкрцы восприняли идею основания Королевского общества по улучшению жизни человечества, но в связи с тем, что процветание общества зависело исключительно от того, сколько свободного времени будет у Шона Ягга по четвергам, улучшение жизни человечества немножко откладывалось. Зато Шон изобрел уничтожители сквозняков для некоторых самых продуваемых частей замка, за что король Веренс наградил его небольшой медалью.

Народ Ланкра и не помышлял о другом общественном строе, кроме монархии. Они жили так на протяжении многих тысяч лет и твердо знали: этот строй работает. Вместе с тем ланкрцы заучили еще одну простую истину: желание короля не имеет большого значения, потому что лет через сорок обязательно появится новый король, который захочет совсем другого, а значит, все усилия пропадут даром. Главное, что требовалось от короля, – это чтобы большую часть времени он проводил в замке, оттачивая искусство помахивания рукой, смотрел на монетах в правильную сторону и не мешал своим подданным пахать, сеять, растить и убирать урожай. Это был своего рода общественный договор. Ланкрцы занимались тем, чем и всегда, а король милостиво позволял им этим заниматься.

Но иногда королевская кровь давала о себе знать...

В Ланкрском замке король Веренс критически осмотрел себя в зеркале и вздохнул.

– Госпожа Ягг, – сказал он, поправляя корону, – к ланкрским ведьмам я, как ты знаешь, испытываю лишь уважение, но данный вопрос, со всем к вам уважением, относится к общегосударственной политике, которая, опять-таки со всем возможным уважением, относится к компетенции короля. – Он снова поправил корону, пока дворецкий Прыжкинс отряхивал его мантию. – Мы должны быть терпимыми. Право, госпожа Ягг, я никогда не видел тебя в таком состоянии...

– Они шлятся повсюду и поджигают людей! – возопила нянюшка, весьма раздраженная множественным королевским уважением.

– *Поджигали*, насколько мне известно, – возразил Веренс.

– Но они жгли именно ведьм!

Веренс снял корону и принялся полировать ее рукавом нарочито спокойными движениями, способными привести в бешенство кого угодно.

– Насколько я знаю, они жгли всех подряд, – сказал он, – но это было довольно давно, не так ли?

– Наш Джейсончик слышал их проповеди в Охулане! Так вот, эти люди очень скверно отзывались о ведьмах!

– К превеликому сожалению, не все знают ведьм с той стороны, с которой знаем их мы, – промолвил Веренс с излишней дипломатичностью, как показалось доведенной до белого каления нянюшке.

– А наш Вейнчик говорит, что они настраивают людей против других вероисповеданий, – продолжала нянюшка. – Даже оффлиане предпочли упаковать свои вещички и тихонько смыться, когда эти негодники открыли рядышком свою миссию. Ну, то есть одно дело утверждать, мол, твой бог самый лучший, но заявлять, что он единственный настоящий, слишком уж нахально, как мне кажется! Таких вот настоящих я тебе в день по паре притаскивать могу! А еще они заявляют, будто бы каждый человек изначально грешен и становится добродетельным,

лишь поверив в Ома. Вот уж чушь несусветная! Взять, к примеру, твою маленькую дочурку, она ведь... Кстати, как вы ее назовете?

– Нянюшка, все узнают об этом буквально через двадцать минут, – ловко парировал Веренс.

– Ха! – Тон нянюшки явно свидетельствовал о том, что «Радио Ягг» не одобряет подобный метод распространения новостей. – Ладно, так или иначе... Самое плохое, что она может совершить в своем возрасте, это испачкать лишнюю пару пеленок или проорать ночь кряду. Лично я не считаю это особенно большим грехом.

– Но ты ведь никогда не испытывала неприязни, допустим, к мрачным братьям или поклонникам девятого дня. Не говоря уже о балансирующих монахах, которые постоянно к нам заглядывают.

– Потому что никто из *них* не испытывает неприязни ко *мне*!

Веренс повернулся. Сейчас он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Он отлично знал нянюшку Ягг, но привык видеть ее – точнее сказать, ее постоянную улыбочку – за спиной у матушки Ветровоск. Тогда как с рассерженным Яггом (а тем более с представительницей женской половины этого семейства) лучше было не иметь дела.

– По-моему, госпожа Ягг, ты принимаешь происходящее слишком близко к сердцу, – сказал он.

– Матушке Ветровоск это очень не понравится! – выложила нянюшка свой последний козырь. И тут же, к своему ужасу, поняла, что даже эта угроза не возымела должного воздействия.

– Король тут я, госпожа Ягг, а не матушка Ветровоск, – отрубил Веренс. – Мир меняется, грядут перемены. Возникает новый порядок. Когда-то тролли пожирали нас, а мы, в свою очередь, считали их чудовищами, но сейчас рождается новая генерация людей и, разумеется, троллей доброй воли, придерживающихся миролюбивых воззрений. Мы хорошо ладим и, надеюсь, понимаем друг друга. То время, когда маленькие королевства должны были заниматься исключительно своими маленькими проблемами, миновало. Мы – часть огромного мира. И должны играть соответствующую роль. Вот, к примеру, что ты думаешь про За-Лунь?

– Я про всякие неприличные штуки не думаю! – гневно рывкнула нянюшка.

– За-Лунь, госпожа Ягг, – это такая страна. Она располагается в нескольких тысячах миль отсюда, но лелеет пупсторонние амбиции, поэтому, если начнется война с Борогравией, мы просто вынуждены будем занять определенную позицию.

– Меня вполне устраивает позиция в нескольких тысячах миль от этого твоего Недо-Плюня, – огрызнулась нянюшка. – И я не понимаю...

– Именно что не понимаешь, – перебил ее Веренс. – Хотя этого от тебя никто и не ждет. Однако происходящие в дальних странах события могут вдруг оказаться не такими уж далекими. Когда в Клатче чихают, в Анк-Морпорке начинается эпидемия гриппа. И нельзя этого забывать. Неужели мы всегда будем терпеть гегемонию Анк-Морпорка? В конце нашего века, века Летучей Мыши, сложилась уникальная ситуация. Страны, расположенные против вращения от Овцепикских гор, начинают давать о себе знать. Страны с «оборотнической экономикой», как называет их анк-морпоркский патриций. Возникают новые державы. Старые государства шуруются в ярком свете восходящего тысячелетия. Конечно, мы должны поддерживать миролюбивые отношения со всеми блоками. Несмотря на бурное прошлое, Омния – дружественная нам страна. По крайней мере, – добавил он торопливо, – может стать таковой, как только узнает о нашем существовании. Неприязненное отношение к государственной религии этой страны не принесет нам ничего хорошего. И я уверен, мы не пожалеем о содеянном.

– Надеюсь, – сказала нянюшка, меряя Веренса испепеляющим взглядом. – А я ведь помню тебя обычным юнцом в нелепой шляпе...

Но и это не сработало. Веренс лишь вздохнул и повернулся к двери.

– Я им и остался, нянюшка, – промолвил он. – Просто шляпа, которая на мне сейчас, куда тяжелее. И теперь мне пора, мы заставляем гостей ждать. А, Шон... – кивнул он, заметив маячившего в дверях Шона Ягга.

Тот отдал честь.

– Ну, как обстоят дела в армии?

– Почти закончил работу над ножом, ваше величество⁶. Осталось доработать щипчики для вырывания волос из ноздрей и складную пилку. Но на самом деле, ваше величество, я прибыл в качестве глашатая.

– Ага, стало быть, время?

– Так точно, ваше величество.

– Кстати, Шон, большая просьба. Урежь немножко фанфары. Лично я высоко ценю твое искусство, но в данной ситуации уместным будет сыграть что-нибудь более простое и понятное, нежели вступление из «Рэгтайма розового ежика».

– Слушаюсь, ваше величество.

– Ну, выступаем.

В главный коридор они вышли как раз в тот момент, когда по нему проходила Маграт. Веренс ловко подхватил супругу под руку.

Нянюшка Ягг поплелась следом. Король был по-своему прав. Она чувствовала себя как-то... *странно*, была какой-то сварливой и раздражительной, словно бы надела слишком тесный корсет. Ладно, скоро появится матушка, а уж она-то умеет разговаривать с королями.

Ведь для разговоров с коронованными особами нужны особые способности. Например, ни в коем случае нельзя задавать вопросов типа «Так чьих королевских кровей ты будешь?». Короли очень трепетно относятся к вопросам крови в своем прошлом. Или вот еще один весьма неудачный вопрос: «Ты – и чья армия?» Правда, в случае Веренса вся государственная армия состояла из Шона и тролля и вряд ли могла представлять угрозу даже для Шоновой матушки (если, конечно, ее сын и впредь хотел пить чай в родном доме, а не на улице).

Когда процессия достигла верхней площадки главной лестницы и вперед выдвинулся Шон, нянюшка тихонько оттащила Агнессу в сторонку.

– С галереи менестрелей видно куда лучше, – прошипела нянюшка и поволокла Агнессу за собой.

Как раз в этот самый момент раздались королевские фанфары. Толпа внимательно слушала, однако при звуках финальной части по залу прокатился некий удивленный гул.

– Молодец, сынок, – с гордостью заметила нянюшка.

– Да уж, – кивнула Агнесса. – Не часто услышишь в качестве фанфар «Постричь, побрить, брюхо вскрыть»⁷.

– Зато люди сразу расслабились, – возразила верная мать Шона.

Агнесса опустила взгляд на гостей и почти сразу заметила пробиравшегося сквозь толпу священнослужителя.

⁶ Для короля Веренса был очевиден тот факт, что армия королевства Ланкр будет малочисленной и ничтожной, даже если он соберет под ружье все взрослое население, поэтому он искал другие способы занять достойное положение на военной карте Плоского мира. Именно Шону пришла в голову идея о ланкрском армейском ноже, совмещавшем полезные в боевых условиях инструменты и приспособления. Научно-исследовательские работы продолжались уже несколько месяцев. Столь незначительные успехи объяснялись во многом тем, что в осуществлении этого единственного оборонного проекта деятельное участие принимал сам король, и Шон до трех раз в день получал записки с предложениями по усовершенствованию конструкции. Как правило, королевские предложения звучали примерно так: «устройство (достаточно маленькое) для поиска потерянных вещей» или «затейливое приспособление в виде крючка для различных целей». Некоторые заявки Шон дипломатично внедрял в жизнь, но большинство записок просто-напросто «терял» (насколько это позволяла наглость). В противном случае ему пришлось бы создать единственный в мире карманный нож на колесах.

⁷ Лейтмотив Гильдии Цирюльников-Костоправов.

– Я нашла его, нянюшка, – сказала она. – Впрочем, это было нетрудно. И... он вряд ли попытается что-либо выкинуть. В такой-то толпе, а?

– Где он?

Агнесса показала. Нянюшка долго разглядывала священнослужителя, потом снова повернулась к ней.

– Иногда мне кажется, эта треклятая корона вскружила Веренсу голову, – буркнула она. – Пускает в королевство сам не знает кого. И куда запропастилась Эсме? Она бы раздавила этого попа как букашку!

Гости тем временем выстроились по обе стороны красного ковра, начинающегося у самой лестницы. Агнесса подняла взгляд на королевскую чету, с нерешительным видом выжидающую подходящий момент, дабы царственно появиться на лестнице. «Как говорит матушка Ветровоск, ты сам выбираешь свой подходящий момент, – подумала Агнесса. – Они – правящая чета королевства. Они могут появиться на лестнице, когда захотят, – этот момент и будет подходящим. Неужели они не понимают?»

Некоторые из гостей Ланкра искоса поглядывали на плотно закрытые огромные двойные двери. Они распахнутся чуть позже, когда начнется менее официальная и более веселая часть церемонии, но сейчас они выглядели... Как двери, которые с громким скрипом распахнутся, явив темную фигуру на фоне пламени.

Эта картина встала перед ее умственным взором так ярко, так отчетливо...

«Ага, – язвительно подумала Пердита. – Стало быть, уроки, которые с такой неохотой давала тебе матушка Ветровоск, не прошли даром».

Королевская чета о чем-то посоветовалась, после чего Милли вприпрыжку поскакала обратно вверх по лестнице, направляясь к двум ведьмам.

– Маг... королева интересуется, будет ли на торжестве матушка Ветровоск? – спросила она.

– Конечно, будет, – ответила нянюшка.

– Дело в том, что король немного беспокоится. Специально по такому случаю на приглашении было написано «Подтв. согл.» и...

– Ведьмы вам не какие-нибудь *подтвсоглы*, – надменно отрезала нянюшка. – Они просто приходят, и все.

Милли вскинула ладошку к губам, нервно откашлялась и с несчастным видом глянула в сторону отчаянно махавшей ей Маграт.

– Но... королева говорит, что церемонию задерживать нельзя. И поэтому, э-э, королевской крестной назначаешься ты, госпожа Ягг.

Нянюшка улыбнулась, и морщинок на ее лице стало вдвое больше.

– Знаешь что? Я просто постою рядышком, пока матушка не появится, хорошо?

Матушка Ветровоск нервно мерила шагами свою скромно обставленную кухоньку. Периодически она опускала взгляд на пол. Под дверью зияла достаточно широкая щель, туда могло вылететь все, что угодно... Но все возможные щели она проверила и перепроверила дюжину раз. Вероятно, сейчас у нее был самый чистый пол во всем королевстве. Так или иначе... все равно она уже опоздала.

И этот... *Убервальд*...⁸

Матушка оглянулась по сторонам.

– Не дождетесь! – пробормотала она. – Такого удовольствия я вам не доставлю!

⁸ На крайне редких картах Овцепикских гор первая буква Убервальда изображается весьма странно, то есть как «Ь», но жители Ланкра никогда не обращали внимания даже на знаки ударения, не говоря уж о каких-то двух лишних точках над буквой, которые обязательно скатятся и где-нибудь потеряются.

Матушка села в кресло-качалку, но вдруг снова вскочила, едва не опрокинув кресло, и опять заходила по кухне.

– Я никогда и ни перед кем не выставлялась, – сказала она, обращаясь в пространство. – Я не из таковских, кто заявляется в гости без приглашения.

Затем она решила заварить чай. Подхватила трясущимися руками чайник, потом уронила крышку сахарницы, разбив ее.

Неожиданно ее взгляд привлек тусклый свет. Над лужайкой висел полумесяц.

– И вообще, у меня столько дел! Еще по всяким вечеринкам шляться... Все равно я бы никуда не пошла.

Она внезапно поймала себя на том, что снова обшаривает глазами темные уголки. «А вот если б я его нашла, – подумала матушка, – юный Чотли напрасно стучался бы в пустой домик. Я бы отбыла веселиться, а Джон Плющ сидел бы сейчас в полном одиночестве...»

– Да чтоб вас всех!

Матушка в который раз опустилась в кресло-качалку и поплотнее закуталась в шаль. Огонь в камине давно потух – она никак не предполагала, что сегодня вечером останется дома.

Тени заполняли углы комнаты, но лампу она зажигать не стала. Хватит и свечи.

Уставившись в стену, матушка качалась в кресле, а тени становились все длиннее.

Агнесса шла за нянюшкой по залу. Наверное, она сейчас нарушала какие-то правила этикета, но перед авторитетом ведьмовской шляпы пасовали почти все правила, не говоря уж о каком-то там этикете.

Данную часть Овцепикских гор традиционно занимали крошечные государства. Каждая местная долина, отделенная от своих соседок провалом, преодолеть который можно было в лучшем случае ползком, а в худшем – при помощи лестницы, – каждая такая долина в большей или меньшей степени правила сама собой. И количество королей в Овцепиках было абсолютно произвольным, тем более что некоторые из них правили своими королевствами только по вечерам, подоив коров. Сегодня в этом зале собрались практически все местные монархи: бесплатное угощение – не та вещь, которой можно пренебречь. Тут присутствовала даже парочка гномьих старейшин с Медной горы. А в углу зала Агнесса заметила группу троллей, которые старались держаться подальше от гномов. «Оружия ни у тех ни у других нет, значит, политики», – предположила Агнесса.

Строго говоря, тролли не являлись подданными короля Веренса, и своим присутствием здесь они словно бы заявляли на официальном языке жестов: с футболом человечьими головами давным-давно покончено. Ну, не давным-давно, но давно. Почти покончено. Во всяком случае, в данной местности. Соответствующим указом, который со дня на день будет.

Проводив ведьм к трону, Милли поспешила прочь.

Омнианский священнослужитель приветливо кивнул вновь прибывшим.

– Добрый, гм... вечер, – сказал он.

И даже не попытался кого-нибудь поджечь. Священнослужитель был не очень стар. Возле носа у него красовался большой созревший фурункул.

Пердита брезгливо поморщилась. Нянюшка Ягг хмыкнула. Агнесса рискнула едва заметно улыбнуться. Священнослужитель громко высморкался.

– Вы, должно быть, те самые, гм... ведьмы, о которых я столько слышал, – сказал он.

У него была поразительная улыбка. Она возникла на его лице так быстро, словно кто-то щелкнул створкой иконографа. Появилась буквально на мгновение и тут же исчезла.

– Гм... да, – ответила Агнесса.

– Ха! – воскликнула нянюшка Ягг, которая умела повернуться к человеку спиной, глядя ему прямо в глаза.

– А я... я... – проямлил священнослужитель и смущенно потер переносицу. – Прошу прощения, боюсь, я не привык к горному воздуху. Я – довольно-таки преподобный всемогучий Овес.

– Как-как? – переспросила Агнесса.

К ее удивлению, омнианин густо покраснел. И чем дольше Агнесса смотрела на него, тем отчетливее понимала, что он ничуть не старше ее самой.

– То есть всемогучий-достолавный-превозносящий-Ома-до-небес Овес, – пояснил священнослужитель. – На омнианском звучит гораздо короче. Кстати, вы знакомы со Словом Омьим?

– С каким именно? – уточнила нянюшка Ягг. – Мы знаем сразу несколько. «Огонь», «костер»... Ха!

Однако религиозная война была пресечена в самом зародыше громкими звуками фанфар. Завершились фанфары несколькими аккордами из «Танца ежика», и на лестнице появилась королевская чета.

– И заруби себе на носу: чтоб никакой этой вашей языческой ерунды! – прошипела стоявшая за пасторской спиной нянюшка Ягг. – Никаких обрызгиваний водой, маслом, песком, никаких отрезаний частей тела. А еще запомни: я прямо позади тебя, и в руке у меня очень острая палка. Если я услышу хоть одно известное мне слово...⁹

– Нянюшка! – донеслось с другой стороны. – Он же не какой-нибудь злобный инквизитор!

– Знаешь, девочка, острая палка есть острая палка!

«И что такое на нее нашло? – подумала Агнесса, заметив, как побагровели уши священнослужителя. – На матушку это еще похоже, но нянюшка...»

«Наверное, решила подменить старую кошелку, пока та где-то шляется», – встряла Пердита.

Агнесса была потрясена до глубины души. Что за мысли лезут ей в голову?!

– Ну что? Сделаешь все как положено? – осведомилась нянюшка.

– Гм... Король мне все объяснил, – ответил пастор. – Э-э... А у вас, случаем, нет ничего от головной боли? Боюсь...

– В одну руку вложишь ключ, другой она должна сжать корону, – неумолимо продолжала нянюшка Ягг.

– Да... Гм...

– Сначала ее имя, потом – имя матери, потом – имя отца. Если насчет последнего мать не уверена, просто проямли что-нибудь неразборчивое...

– Нянюшка! Ты говоришь о *королевской* чете!

– Ха! Уж я бы тебе кой-чего порассказала, девочка! Значит, так, потом передашь дитя мне, я тоже назову ее имя и верну ее тебе, а *ты* назовешь ее имя людям и снова передашь ее мне, а я передам ее папочке, он выйдет через вон те двери и покажет ее людям, все начнут кидать в воздух шляпы и орать «ура!», потом все закончится, всем выпивка и закусоны, нажрут так, что не найдут собственные шляпы. Но начнешь инквизитировать по поводу грехов или еще чего, и все закончится очень скверно. Для тебя.

– А какова, гм, твоя роль, мадам?

– Я – крестная мать!

– Т-тут будет замешан крест? – Молодой священнослужитель заметно вздрогнул.

⁹ Жители Ланкра придерживались очень твердых убеждений: всякий религиозный обряд должен вестись на каком-нибудь древнем и, соответственно, непонятном языке, иначе и не обряд это вовсе.

– Это старая ланкрская традиция, – поспешила объяснить Агнесса. – Означает что-то вроде «заместитель матери по некоторым вопросам». Все в порядке... Как ведьмы, мы терпимо относимся ко всем религиям и...

– Верно, – согласилась нянюшка Ягг. – Но только к правильным религиям, так что следи за языком, юноша!

Королевская чета наконец добралась до тронов. Маграт заняла свое место и, к удивлению Агнессы, незаметно подмигнула ей.

Веренс подмигивать не стал. Остановившись рядом с тронном, он громко откашлялся.

– Ахым!

– У меня где-то была пастилка от горла, – сказала нянюшка, торопливо запуская руку под юбки.

– Ахым! – повторил Веренс, показывая взглядом на свой трон.

То, что выглядело серой подушкой, вдруг перевернулось, зевнуло, наградило короля кратким взглядом и принялось неторопливо влизываться.

– О Грибо! – воскликнула нянюшка. – А я-то думала, куда ты запропастился...

– Госпожа Ягг, ты не могла бы, э-э, убрать его? – спросил король.

Агнесса глянула на Маграт. Королева смотрела куда-то в сторону, положив локоть на подлокотник трона и закрыв ладошкой рот. Ее плечи тряслись.

Нянюшка смахнула кота с трона.

– Кот *имеет право* смотреть на короля, – возвестила она.

– Но не с таким выражением, – парировал Веренс и благосклонно махнул рукой собравшейся толпе.

И как раз в этот момент часы замка начали отбивать полночь.

– Прошу вас, ваше преподобие.

– Я как раз приготовил приличествующее моменту пасторское наставление... гм, с надеждой, что... – начал довольно-таки преподобный Овес, но вдруг как-то судорожно дернулся вперед. Уставившись в пространство, он пару раз изумленно моргнул и, громко сглотнув, быстренько закончил: – Но, увы, у нас нет на это времени.

Наклонившись, Маграт прошептала что-то на ухо мужу. «Да, дорогая, она так и не пришла, но у нас нет выхода...» – донесся до Агнессы тихий ответ Веренса.

К тронам подбежал запыхавшийся Шон в сбившемся набок парике. В руках он нес подушечку, на которой лежал огромный железный ключ от замка.

Милли Хлода осторожно передала ребенка священнослужителю. Довольно-таки преподобный Овес нерешительно принял сверток и заговорил.

В общем и целом речь его звучала так, как будто отец Овес тщательно обдумывал каждое следующее слово. Стоящая за его спиной нянюшка внимательно слушала – судя по ее лицу, которое выражало искреннюю (не считая ста процентов искусственных добавок) заинтересованность. А еще со стороны могло показаться, что молодой священнослужитель страдает от частых приступов весьма болезненных судорог.

– ...И вот мы собрались здесь сегодня пред очами... ай... друг друга...

– Вы в порядке, ваше преподобие? – участливо осведомился король.

– В полном порядке, уверяю вас, ваше величество, – с жалким видом откликнулся Овес. – И нарекаю я тебя... нарекаю тебя... тебя нарекаю...

Возникла глубокая кошмарная пауза.

Священнослужитель с застывшим лицом передал девочку Милли, снял шляпу, достал из-под подкладки маленький клочок бумаги, пошевелил губами, как будто проговаривая про себя написанные там слова, водрузил шляпу обратно на вспотевший лоб и снова взял на руки ребенка.

– Я нарекаю тебя... Эсмеральдой Маргарет Внимание Орфография Ланкрской!

Напряженная тишина заполнила замок.

– *Внимание Орфография?* – одновременно воскликнули Маграт и Агнесса.

– *Эсмеральдой?* – изумилась нянюшка.

Девочка открыла глаза.

И одновременно с этим двери зала распахнулись.

Выбирать... Всегда приходится выбирать.

Она вспомнила того мужчину из Шпакли, который убивал детишек. Одного взгляда хватило, чтобы увидеть в его голове вину, извивающуюся алым червем. А потом она привела людей на его ферму, указала место, где нужно копать, а он упал на землю у ее ног и принялся молить *ее* о снисхождении, говорил: дескать, был пьян, всё эта проклятая выпивка...

Зато она поступила абсолютно трезво. «Ты закончишь свою жизнь в петле», – вот что она тогда сказала.

И его утащили и вздернули на пеньковой веревке, а она все это видела, потому что должна была смотреть, должна была *ему*, а он проклинал ее, что было несправедливо, ведь он ушел чисто, односельчане просто не посмели послушаться, иначе все было бы куда страшнее, и она глядела и видела, как над ним нависает тень Смерти, после чего за спиной Смерти возникли какие-то маленькие светящиеся фигурки, а *потом*...

Кресло, раскачиваясь взад-вперед, громко скрипело в темноте.

Крестьяне ликовали, ведь справедливость восторжествовала, и тогда она, потеряв терпение, велела всем разойтись по домам и молиться богам, в которых они верили, дабы подобное никогда не случилось с *ними*. Самодовольная рожа торжествующей добродетели почти так же ужасна, как лицо разоблаченного порока.

Вспомнив все это, матушка поежилась.

Почти... но не совсем.

Самым странным было то, что на похороны собралась практически вся деревушка. Кое-кто даже бормотал, что *в целом* он был не таким уж плохим парнем и, возможно, это все она, *она* заставила его очернить себя. Матушка помнила бросаемые искоса темные взгляды.

Допустим, справедливость действительно существует. Для всех и каждого. Для самого презренного нищего. За каждое грубое слово, за каждую невыполненную обязанность, за каждое принятое решение. Да, за каждое решение, в этом-то все и дело. Ведь выбирать приходится. Ты можешь ошибиться, можешь поступить правильно, но ты обязана выбирать, хотя сама понимаешь: правильность или неправильность принятого решения не всегда очевидны, порой приходится выбирать между неправильным и неправильным, потому что правильного решения не существует. Но всегда, *всегда* выбор зависит только от тебя. Именно ты стоишь на краю, все видишь, все слышишь. И никаких тебе слез, никаких извинений, никаких сожалений... Ты оставляешь их на случай, когда они действительно потребуются.

Она никогда не обсуждала эти мысли ни с нянюшкой Ягг, ни с другими ведьмами. Ведь это значило раскрыть свой секрет. Но порой вечерами, когда разговор подкрадывался к данной теме ближе некуда, нянюшка могла обронить нечто вроде: «Что ж, в конце концов, старый Скривенс ушел с миром», и непонятно было, что именно она имела в виду. Вот нянюшка, судя по всему, никогда не переживала о подобных мелочах. Она считала, что некоторые вещи нужно делать, и точка. А всякие назойливые мыслишки она предпочитала прятать подальше – даже от себя самой. Матушка ей завидовала.

А вот кто придет на *твои* похороны, когда *ты* умрешь?

Ее даже не пригласили!

Воспоминаниям было тесно в голове. Какие-то фигуры шествовали во тьму мимо горящей свечи.

Она много всякого переделала, много где побывала и настолько хорошо научилась управлять своим гневом, что сама себе дивилась. Она противостояла людям, которые были гораздо могущественнее ее, – просто не позволяла им заподозрить обратное. Она стольким пожертвовала, но и многим овладела...

Это был знак. Она знала, рано или поздно будет знак... Они поняли это, и в ней теперь нет больше нужды...

И чего она добилась? Наградой за тяжкий труд стал труд куда более тяжкий. Если ты копаешь самые глубокие канавы, тебе дают самую большую лопату.

А в награду ты получаешь лишь голые стены, да голый пол, да холодную хижину.

Темнота лезла из углов, струилась по комнате, путалась в волосах.

Ее даже не пригласили!

Она никогда ничего не требовала. Но когда ты ничего не требуешь, ты, как правило, ничего и не получаешь.

Она всегда старалась стоять лицом к свету. Всегда. *Всегда*. Но чем пристальнее ты смотришь на свет, тем сильнее он палит и тем сильнее искушение оглянуться назад, посмотреть, насколько длинную, густую, сильную и темную тень ты оставила за собой...

Кто-то упомянул ее имя.

Свет, шум, ошеломление.

А потом она очнулась, и вгляделась в надвигающуюся тьму, и увидела все в черно-белом цвете.

– Прошу прощения... Задержался в пути, сами знаете, как бывает...

Вновь прибывшие присоединялись к толпе, которая не обращала на них ни малейшего внимания, так как была слишком поглощена представлением, что разворачивалось вокруг тронов.

– *Внимание Орфография?!*

– Немножко мудрено, – согласилась нянюшка. – Зато Эсмеральда – абсолютно правильный выбор. Можно было бы назвать ее Гитой, но с Эсмеральдой не поспоришь. Однако дети есть дети. Орфочка, Графинка – ее как-нибудь так будут звать.

– Это еще если повезет, – мрачно заметила Агнесса.

– Он не должен был это произносить! – прошипела Маграт. – Я лишь беспокоилась, чтобы ее случайно не назвали Маграт!

Всемогущий Овес стоял, подняв глаза к небу и сложив руки. Периодически он тихонько постанывал.

– А мы не можем поменять имя? – спросил король Веренс. – Где королевский историк? Шон вежливо откашлялся.

– Ваше величество, но сегодня не вечер среды. Или мне придется сбежать за нужной шляпой и...

– Мы можем изменить имя или нет?

– Э-э... оно было произнесено, ваше величество. В предусмотренное ритуалом время. Думаю, это имя теперь принадлежит ей. Впрочем, я должен все проверить. Хотя оно было объявлено во всеуслышание.

– Имя менять нельзя, – твердо заявила нянюшка, которая, будучи матерью королевского историка, нисколько не сомневалась в том, что знает куда больше этого самого королевского историка. – Взять, к примеру, старого Муму Голокура из Ломтя...

– А с ним что стряслось? – резко спросил король.

– Его полное имя – Джеймс Какого-Дьявола-Здесь-Делает-Эта-Корова Голокур, – пояснила Маграт.

– Ага, помню, помню, – закивала нянюшка. – Денек был весьма странным.

– А вот если бы *моя* мать проявила толику разумности и просто *назвала* мое имя брату Пердоре, вместо того чтобы стыдливо карябать его на бумажке, быть может, моя жизнь сложилась бы совсем по-другому. – Маграт встревоженно бросила взгляд на Веренса. – Ну, в смысле не так замечательно.

– Значит, я теперь должен вынести Эсмеральду к ее подданным и объявить, что одно из ее имен – Внимание Орфография? – уточнил Веренс.

– Ну, когда-то у нас был король, которого звали О-Боги-Ну-И-Жирдяй Первый, – заметила нянюшка. – Кроме того, подданные уже пару часов как пьют пиво, поэтому они обрадуются любому имени.

«Кроме того, – подумала Агнесса, – я точно знаю, что среди них есть люди, которых зовут Сифилида Уилсон, Аналом Легче и Полный Бисквит»¹⁰.

Веренс улыбнулся.

– Ну... хорошо, тогда давай ее сюда...

– У-у-у, – простонал всемогущий Овес.

– ...Кстати, налейте парню что-нибудь выпить.

– Я очень, очень виноват, – прошептал священнослужитель вслед уходящему к гостям королю.

– А по-моему, он уже достаточно выпил, – сказала нянюшка.

– Да я вообще не притрагиваюсь к спиртному! – простонал священнослужитель, вытирая слезящиеся глаза носовым платком.

– Я вот с первого взгляда поняла: от тебя жди одних неприятностей, – буркнула нянюшка. – Но где же Эсме?

– Лично я понятия не имею! – огрызнулась Агнесса.

– Она-то наверняка знала, чтоб мне сквозь землю провалиться! Принцессу ведь в ее честь назвали, экое перо в ее шляпу. Разговоров будет на годы. Нет, нужно разобраться, что происходит...

Нянюшка решительно зашагала прочь.

Агнесса схватила священнослужителя за руку.

– Пойдем, нам тоже пора, – вздохнула она.

– Я действительно не могу выразить словами, насколько...

– Чудной выдался вечерок.

– Я никогда, никогда не слышал об этом обычае, и...

– Местные жители придают словам слишком большое значение.

– Боюсь, отзыв, направленный брату Мельхио, будет не слишком лестным...

– Это уж точно.

Некоторые люди способны разозлить даже самого благожелательного человека, и священнослужитель, несомненно, относился к их числу. Было в нем что-то... унылое, какая-то беспомощная безнадежность, заставляющая людей скорее злиться, нежели сочувствовать, некая уверенность в том, что даже посреди всемирной пирушки этот человек будет искать кухню.

И похоже, забота об этом типе пала всецело на плечи Агнессы. Все высокопоставленные гости толпились у открытых дверей, и, судя по восторженным воплям, жители Ланкра сочли Внимание Орфография вполне приличным именем для будущей королевы.

– Может, ты просто посидишь здесь, попытаешься взять себя в руки? – предложила Агнесса. – Скоро начнутся танцы.

¹⁰ Отличаясь весьма оригинальным подходом к подбору имени, в данном вопросе жители Ланкра чаще руководствуются принципом «звучит – не звучит». Некоторые ланкрские имена лишь выглядят вполне подходящими и логичными, на самом деле это чистое совпадение. К примеру, по улицам королевства вполне могла ходить Хламидия Ткач, если бы ее мать вдруг не решила, что имя Салли произносить куда проще.

– Я не танцую, – откликнулся всемогучий Овес. – Танцы – это западня, в которую попадают все нищие духом.

– О... В таком случае, на улице жарят мясо и...

Всемогучий Овес снова вытер глаза.

– Гм... а рыба есть?

– Сомневаюсь.

– В этом месяце мы едим только рыбу.

– О.

Но даже равнодушный тон не помог. Судя по всему, всемогучему Овсу нужно было с кем-то поговорить.

– Понимаешь, пророк Брута, странствуя по пустыне, воздерживался от мяса.

– А в обычной местности у него сразу начиналось мясное недержание?

– Прошу прощения?

– Так, просто замечание. – Однако любопытство взяло свое. Эту битву с собой Агнесса всегда проигрывала. – Кстати, а откуда в пустыне возьмется мясо?

– Э-э, понятия не имею.

– Значит, он отказывался его есть не по собственной воле? – Агнесса окинула испытующим взглядом толпу, но не нашла никого, кто пожелал бы принять участие в этой небольшой дискуссии.

– Гм... Э-э, об этом, наверное, лучше спросить у брата Мельхио. Ой-ой, прошу прощения, кажется, начинается новый приступ мигрени...

«Ты ведь сам не веришь в то, что говоришь», – подумала Агнесса. Священнослужитель излучал нервозность и какой-то легкий ужас. «Ну что за унылый, жалкий червяк!» – добавила Пердита.

– Я должна идти... э... идти и... должна идти и... помочь, – сказала Агнесса, торопливо пятясь.

Священнослужитель кивнул. Когда она повернулась, он высморкался, достал из кармана небольшую черную книжицу и, вздохнув, открыл ее на закладке.

Пытаясь добавить весу своему алиби, Агнесса подхватила поднос, подошла к столу с закусками и было обернулась, чтобы бросить еще один взгляд на сгорбленную фигурку, столь же неуместную здесь, как потерявшаяся овца, – но вдруг наткнулась на что-то очень твердое.

– Что это за странный тип? – раздался чей-то голос рядом.

Пропустив мимо ушей коротенькую взбучку Пердиты («прыгаешь тут, будто корова!»), Агнесса взяла себя в руки и неловко улыбнулась заговорившему с ней человеку.

Это был молодой мужчина, причем – неожиданно осознала она – весьма и весьма привлекательный. Привлекательных молодых мужчин в Ланкре было не слишком много. Местные парни, перед тем как пригласить девушку пройтись, приглаживали волосы облизанной ладонью, и это считалось чуть ли не верхом шика.

«У него волосы стянуты в хвостик! – пропищала Пердита. – Вот круто!»

Агнесса почувствовала, как румянец, зародившийся где-то в области лодыжек, неумолимо пополз вверх по телу.

– Э... что-что? – переспросила она.

– Его трудно не заметить, – сказал красавец и едва заметно кивнул в сторону унылого священнослужителя. – Очень смахивает на взъерошенного вороненка, тебе не кажется?

– Э... да, – выдавила Агнесса.

Румянец обогнул выпуклости груди и стал обжигающе горячим. В Ланкре не было ни одного мужчины с подобной прической. Кроме того, покрой одежды недвусмысленно говорил о том, что незнакомец провел большую часть жизни там, где мода менялась чаще, чем раз в поколение. В Ланкре *никогда никто* не носил жилет, расшитый павлинами.

«Скажи хоть что-нибудь!» – завопила Пердита.

– Встфгл? – изрекла Агнесса.

За ее спиной всемогущий Овес поднялся и стал с подозрением рассматривать стоявшие на столе угощения.

– Прошу прощения?

Агнесса с трудом сглотнула – да и то лишь благодаря тому, что Пердита яростно трясла ее за горло.

– Ага, – сказала она. – Как будто вот-вот взлетит. Он.

«Только б не захихикать, только б не захихикать...»

Незнакомец щелкнул пальцами. Официант, спешивший куда-то с подносом напитков, мгновенно развернулся на девяносто градусов.

– Могу я что-нибудь предложить тебе, госпожа Нитт?

– Э... Белое вино? – неуверенно прошептала Агнесса.

– О нет, ты совершенно не хочешь белого вина, красное куда... насыщеннее, – промурлыкал незнакомец, передавая ей бокал. – Ну-ка, а чем там занимается наш подопечный? Ага, решил позволить себе съесть печенюшку с малюсенькой порцией паштета...

«Спроси, как его зовут!» – надрывалась Пердита. «Такой красавец? Для меня? Не слишком ли жирно?» – в ответ подумала Агнесса. «Если ты вдруг забыла, ты и так жирная! – не унималась Пердита. – Вот ведь тупая толстуха...»

– Но я должен представиться. Меня зовут Влад, – ласково произнес незнакомец. – О, а сейчас он собирается наброситься на... волованы с креветками. Креветки? Так далеко от моря? Король Веренс не поскупился, верно?

– Их везли, обложив льдом, из самой Орлеи, – пробормотала Агнесса.

– Насколько я помню, там разбираются в дарах моря.

– А я не помню, потому что никогда там не была, – пробормотала Агнесса.

Ее внутренняя Пердита уронила голову на руки и безутешно разрыдалась.

– Но, может, нам посчастливится посетить Орлею вместе? – сказал Влад.

Румянец наконец добрался до Агнессиной шеи.

– Тут очень жарко, не правда ли? – участливо осведомился Влад.

– Это все из-за огня, – с радостью сменила тему Агнесса. – Вон там.

Она кивнула на горевшее в огромном камине гигантское бревно. Конечно, это бревно можно было не заметить, но лишь в том случае, если бы у вас на голове было надето ведро.

– Моя сестра и я... – произнес Влад.

– Э-э, госпожа Нитт?

– В чем дело, Шон? – спросила Агнесса.

«Чтоб ты сдох, Шон Ягг!» – прорычала Пердита.

– Мама просила, чтобы ты немедленно нашла ее, госпожа. Она во дворе. Говорит, это очень важно.

– Как всегда, – пожала плечами Агнесса и едва заметно улыбнулась Владу. – Прошу меня извинить, я вынуждена спешить на помощь одной старой женщине.

– Уверен, мы еще встретимся, Агнесса, – сказал Влад.

– О, э-э... Да, спасибо.

Быстро развернувшись, Агнесса покинула зал и только на середине лестницы вдруг вспомнила, что своего имени она ему не называла.

«Он вполне мог спросить кого-нибудь, как меня зовут», – спустившись на пару ступенек, подумала она.

«Ха, – еще через две ступени откликнулась Пердита. – О тебе? Спрашивать?!»

Агнесса в очередной раз прокляла тот день, когда у нее появилась невидимая соперница.

– Нет, ты только посмотри! – прошипела нянюшка, хватая Агнессу, едва та успела появиться во дворе.

Подтащив Агнессу к стоявшим у конюшни каретам, нянюшка ткнула дрожащим пальцем в дверь ближайшей из них.

– Видишь?

– Довольно-таки впечатляюще, – оценила Агнесса.

– Ты герб видишь?

– Похоже на... на пару черно-белых птиц. Это сороки, если не ошибаюсь?

– Да, а теперь прочти надпись, – велела нянюшка Ягт с тем мрачным удовольствием, которое все старые женщины приберегают для особо дурных и непоправимых случаев.

– «Карпе Югулум», – вслух прочла Агнесса. – Это значит... так... «Карпе Дием» значит – «лови момент», тогда «Карпе Югулум» – это...

– «Хватай за горло»! – закончила за нее нянюшка. – Ты поняла, что натворил наш с тобой дражайший монарх ради того, чтобы мы могли сыграть свою роль в этом обмениваемся мире и поймать соответствующую репутацию, ведь когда в Анк-Морпорке спотыкаются, в Клатче из носа течет кровь?! Он пригласил каких-то шишек из Убервальда, вот что он сделал! Черт возьми! Вампиры и вервольфы, вервольфы и вампиры! Нас всех убьют друг у друга в постелях!

Она подошла к карете и постучала по деревянной стенке рядом со сгорбленной, закутанной в огромный плащ фигурой кучера.

– Эй, Игорь, ты откуда будешь?

Тень повернулась.

– А почему ты решаيت, будто б меня звайт... Игорь?

– Удачная догадка? – предположила нянюшка.

– Ты думайт, всех житель Убервальда звайт Игорь, йа? Я может имеит любой из тыфяч имен, женщина!

– Послушай, я – нянюшка Ягт, а этойт... прошу прощения, *это* Агнесса Нитт. А тебя как зовут?

– Я звайт... я и в фамомфком деле звайт Игорь, – ответил Игорь и многозначительно вскинул палец. – Но меня могли бы звайт фовфем как другой!

– Прохладный вечерок выдался. Тебе что-нибудь принести? – бодро спросила нянюшка.

– Допустим, полотенце? – предложила Агнесса.

Нянюшка грубо пихнула ее в ребра.

– Может, бокал вина?

– Я не пьювайт... вино, – высокомерно произнес Игорь.

– У меня и бренди найдется, – сказала нянюшка, задирая юбку.

– Это ефть гут. Бренди я пьювайт.

В темноте звонко щелкнула резинка панталон.

– Ну, Игорь, – продолжила нянюшка, передавая ему фляжку, – а что ты делаешь здесь, так далеко от дома?

– А что делают там... возле мофт тупой тролль? – в ответ спросил Игорь, перехватывая фляжку огромной лапищей, которая, как заметила Агнесса, была буквально испещрена шрамами и швами.

– А, вы, видимо, повстречали Большого Биф-Джима. Король разрешил ему жить под мостом, чтобы он официально встречал приезжающих в королевство гостей.

– Биф-Джим... Этойт как у бифштекф. Фтранный имя для тролль.

– Ну, ему нравится, – пожала плечами нянюшка. – Некоторые люди тоже берут себе странные имена. Железный Арни, к примеру. Кстати, знавала я одного Игоря из Убервальда.

Он прихрамывал. Один глаз выше другого. Разговаривал так же, как ты. Но мозгами скрипел дай боги каждому.

– Фкорее вфегойт, это мой дядья Игорь, – откликнулся Игорь. – Быть работайт у фумафшедший доктор в Блинце. Ха, тот доктор бывайт вфамделишно чокнутый, таких фейчаф не вфтречайт. А какие фейчаф прислуги? Еще хужейт. Никакогошнего чувфтва фобф-твенных дофтоинфत्व. – Словно подчеркивая свои слова, он постучал пальцем по фляге. – Когда дядью Игоря пофылайт за мозгами нафтоящего гения, он был принофить мозг гения. Никаких фокуфов типа взайт мозги из банки ф надпифью «Тут Не Вфе Дома», мол, вфе равно никто не замечайт. О найн, вфе вфё замечайт!

Нянюшка невольно сделала шаг назад. Выдержать продолжительный разговор с Игорем можно было, только спрятавшись под зонтиком.

– Кажется, я слышала об этом парне, – сказала она. – Это не он сшивал людей из разных частей покойников?

– Правда? – потрясенно воскликнула Агнесса. – Какой ужас!

– Он фамый. Ефть проблема?

– Нет. Лично я называю это бережливым подходом к делу, – отозвалась нянюшка, убирая ступню с ноги Агнессы. – Вот моя матушка мастерски сшивала новые простыни из лоскутков старых, а люди – они ведь куда дороже тряпок. Стало быть, теперь этот доктор твой хозяин?

– Найн, на него по-прежнему работайт дядья Игорь. Трифта ударов молнии, а он до фих пор арбайтн вфю ночь!

– Ты еще бренди-то глотни, – предложила нянюшка. – Здесь действительно холодно. Так кто ж твой хозяин, а, Игорь?

– Разве этойт мафтер?! – раздраженно воскликнул Игорь, в очередной раз забрызгав нянюшку слюной. – Ха! Вот фтарый граф бывайт гофподин из фтарая школа. Вфе понимайт. В любое время фрак – таковы бывайт правила!

– Фрак, стало быть? – переспросила нянюшка.

– Йа! А эти надевайт вечерний платья только по вечеру, ты предфтавляйт?! А вфе офтальное время ходят модный жилеты унд кружевной юбка! Ха! И знавайт, что они еще придумывайт?

– Выкладывай...

– Они фмазывают дверные петля! – Игорь снова от души приложился к нянюшкиной укипаловке. – А ведь я почти год добивайт нужный фкрип! А дальше еще хужейт: «Игорь, убейт пауков подземелья. Игорь, закажи нормальный мафляный лампа, этот мерцающий факел хватайт вфего пятнадцать минут!» Замок должнайт выглядайт древний! Нафтоящий вампир есть фоблюдение традиция! Ефли ты блуждайт в горах и видайт офвещенное окно в замок, ты имейт право на фкрип двери и фтаромодный вежливый прием, йа!

– Конечно-конечно. А еще на постель в комнате с балконом, – поддержала нянюшка.

– Точнайт!

– С качающимися темными шторами.

– Безуфловнайт!

– И на настоящие оплывшие свечи.

– Я фтолько время ухойдакивайт, чтобы ф них правильно фтекайт вофк! А вфем им плевайт!

– Лично я всегда говорила: боги – в мелочах, – сказала нянюшка. – Так-так-так... значит, наш король пригласил вампиров, а?

С глухим стуком Игорь откинулся на спину, фляжка со звоном упала на булыжники. Нянюшка подняла ее и спрятала под юбки.

– Думала, раньше свалится, – заметила она.

Не многим людям доводилось попробовать домашнюю укипаловку нянюшкиного производства, и прежде всего потому, что сделать это было практически невозможно. Нянюшкино бренди, стоило ему попасть в теплый человеческий рот, мгновенно превращалось в пары, то есть его нужно было не пить, а вдыхать.

– Ну и что будем делать? – спросила Агнесса.

– Мы? Это он их пригласил. Они – гости, – пояснила нянюшка. – Готова поспорить, спроси я об этом Веренса, мне велели бы не совать нос не в свое дело. Конечно, он выразился бы другими словами, – добавила она торопливо, поскольку знала, что король Ланкра не страдает манией самоубийства. – Раз а три вспомнил бы об «уважении»... Но смысл остался бы прежним.

– Нянюшка, это ведь *вампиры*... Что скажет матушка?

– Девочка, послушай меня, завтра они уедут, вернее, уже сегодня. Нам остается только не спускать с них глаз, а потом помахать ручкой на прощание.

– Но мы даже не знаем, как они выглядят.

Нянюшка посмотрела на лишившегося чувств Игора.

– М-да, пожалуй, мне стоило бы порасспросить его об этом, – сказала она и улыбнулась. – Впрочем, есть один безошибочный способ. Кое-что о вампирах известно всем и каждому...

На самом деле о вампирах известно многое, но люди не всегда учитывают то, что самим вампирам это тоже известно.

В дворцовом зале было шумно. Толпа стояла у буфетного столика. Нянюшка и Агнесса раздавали еду гостям.

– А кому воловьих ванек? – надрывалась нянюшка, толкая поднос в сторону каждого гостя, который, как ей казалось, походил на вампира.

– Прошу прощения? – не понял кто-то. – А... волованов...

Мужчина взял с подноса волован и положил его в рот, одновременно поворачиваясь обратно к своему собеседнику.

– ...Ну, я и говорю его светлости... *Это еще что такое?!*

В ярости обернувшись, он чуть не сбил с ног внимательно разглядывавшую его морщинистую старушку в остроконечной шляпе.

– А в чем дело? – осведомилась она.

– Но это... это... это же пюре из чеснока!

– Стало быть, тебе не нравится запах чеснока? – строго осведомилась нянюшка.

– Мне нравится чеснок, да только я ему не нравлюсь! Женщина, это блюдо не просто пахнет чесноком, это *сплошной* чеснок!

Нянюшка, близоруко щурясь, посмотрела на поднос.

– Неправда, там еще есть... Впрочем, совсем немного. Да, думаю, ты прав, наверное, мы несколько перестарались... Сейчас пойду принесу чуточку... Вернее, просто пойду...

У входа в кухню она столкнулась с Агнессой. Оба подноса со звоном упали на пол, рассыпав чесночные волованы в чесночном соусе, чеснок, фаршированный чесноком, и крошечные канapé из зубчиков чеснока на палочках.

– Либо здесь слишком много вампиров, – сказала без всякого выражения Агнесса, – либо мы что-то делаем неправильно.

– А вот я всегда считала: чесноком кашу не испортишь! – отрезала нянюшка.

– По-моему, нянюшка, эта пословица звучит несколько по-другому.

– Ну и ладненько. Что у нас еще есть?.. Ага! Все вампиры по вечерам надевают вечерние платья!

– Но здесь все одеты в вечерние платья, нянюшка. Кроме нас с тобой.

Нянюшка придирчиво осмотрела себя.

– Я *всегда* надеваю по вечерам это платье!

– Кстати, вампиры вроде бы не отражаются в зеркалах, – вспомнила Агнесса.

Нянюшка щелкнула пальцами.

– Отличная мысль! В уборной есть зеркало. Пожалуй, пойду-ка я туда. Рано или поздно все там будут.

– А если войдет мужчина?

– И что? – осведомилась нянюшка. – Меня это не смутит.

– Зато у него могут возникнуть возражения, – сказала Агнесса, стараясь не обращать внимания на картинку, что невольно возникла в ее голове.

У нянюшки была приятная улыбка, но не всегда эта улыбка скрывала за собой приятные вещи.

– Надо что-то предпринять. Вот матушка... что бы она сделала на нашем месте?

– Ну, можно просто взять и спросить... – предложила Агнесса.

– Что именно? «Эй, в зале есть вампиры? А ну-ка, поднимите руки!»

– Дамы?

Они обернулись. К ним приближался молодой человек, представившийся Владом.

Агнесса мгновенно начала краснеть.

– Кажется, вы говорили о вампирах? – Он взял с подноса Агнессы чесночное печенье и с явным удовольствием откусил. – Могу я вам чем-то помочь?

Нянюшка придирчиво осмотрела его с головы до ног.

– А что ты знаешь о вампирах?

– Ну, кое-что... Ведь я – один из них. Рад познакомиться, госпожа Ягг.

Он склонился к ее руке.

– Нет, только не это! – воскликнула нянюшка, вырываясь. – Терпеть не могу всяких кровососов!

– Знаю. Но я уверен, со временем твое отношение изменится. Кстати, не желаете ли познакомиться с моей семьей?

– Проваливай знаешь куда вместе со своей семейкой! О чем только думал король?

– Нянюшка!

– Что?

– Не нужно так кричать. Это... невежливо. Вряд ли, гм...

– Влад де Сорокула, – представился Влад и поклонился.

– ...собирается укусить меня в шею! – заорала нянюшка.

– Ни в коем разе, – возразил Влад. – Мы, гм, уже поужинали каким-то разбойником на дороге. А госпожа Ягг, как я полагаю, заслуживает того, чтобы ее смаковали. У вас еще остались эти штучки с чесноком? Достаточно пикантный вкус.

– Вы... что сделали? – переспросила нянюшка.

– Вы кого-то... убили? – спросила Агнесса.

– Конечно. Мы ведь вампиры. Или упыри. Это более устаревшее название. Пойдемте, я познакомлю вас с отцом.

– Вы *действительно* кого-то убили? – спросила Агнесса.

– Ну все! С меня хватит! – прорычала нянюшка и решительно зашагала прочь. – Сейчас позову Шона, он принесет большой острый...

Влад едва слышно откашлялся. Нянюшка остановилась.

– Людям многое известно о вампирах, – сказал он. – А в частности то, что они умеют подчинять себе менее развитых существ. Так что... забудьте о вампирах, дорогие дамы. Это приказ. А сейчас я хочу, чтобы вы познакомились с моей семьей.

Агнесса часто заморгала. Она чувствовала... что-то. Чувствовала, как это что-то ускользает сквозь пальцы.

– Какой приятный молодой человек, – вдруг произнесла нянюшка несколько удивленным голосом.

– Я... Он... Да, – пробормотала Агнесса.

Что-то болталось в голове, словно письмо в бутылке, написанное неразборчивым почерком на незнакомом языке. Она пыталась, но не могла разобрать ни слова.

– Жаль, здесь нет матушки, – наконец сказала Агнесса. – Уж она бы точно знала, что делать.

– Перестань! – перебила ее нянюшка. – Такие вечеринки не для нее.

– Я чувствую себя как-то... странно, – призналась Агнесса.

– Наверное, выпила лишку, – заметила нянюшка.

– Да я ни капельки в рот не взяла!

– Правда? Так вот в чем проблема. Пошли.

Они поспешили в зал. Было уже далеко за полночь, но уровень шума неумолимо приближался к болевому порогу. Смех всегда становится громче, когда коктейль одобрен полночным часом.

Влад одобрительно помахал им рукой и жестом пригласил присоединиться к толпившимся вокруг короля Веренса людям.

– А, Агнесса и нянюшка, – сказал король. – Граф, позволь представить...

– Гиту Ягг и Агнессу Нитт, как я понимаю, – закончил мужчина, с которым только что разговаривал король, и вежливо поклонился.

По какой-то непонятной причине Агнесса (по крайней мере какая-то ее часть) ожидала увидеть перед собой некоего мрачного типа с благородными клиновидными залысинами и в черном плаще.

Но этот мужчина больше походил на... зажиточного господина независимых воззрений и пытливого ума. По утрам он, вероятно, совершал длительные прогулки, а дни проводил за оттачиванием разума в личной библиотеке или за интереснейшими опытами над пастернаком... и никогда, буквально никогда не беспокоился о деньгах. А еще в нем присутствовали некий лоск и неутоленный энтузиазм, подобный тому, что испытывает человек, который только-только прочитал интересную книгу и которому не терпится поделиться своими впечатлениями с окружающими.

– А мне, в свою очередь, позвольте представить мою жену, графиню де Сорокула, – продолжил мужчина. – Дорогая, это ведьмы, о которых я тебе столько рассказывал. С моим сыном вы уже знакомы, насколько я понимаю? А это моя дочь Лакримоза.

Агнесса встретила взглядом с худенькой, одетой в белое платье девушкой с очень длинными волосами и чересчур подведенными глазами. «Все-таки ненависть с первого взгляда тоже бывает», – невольно подумала Агнесса.

– Граф как раз делился со мной своими планами. Он собирается переселиться в наш замок и отсюда управлять государством, – сообщил Веренс. – А я ответил ему, что мы почтем за честь водить с ним знакомство.

– Отлично, – кивнула нянюшка, – но если ты не возражаешь, мне бы очень не хотелось пропустить выступление дурностаев...

– Вся беда в том, – заметил граф, провожая взглядом нянюшку, – что люди, как правило, рассматривают вампиров исключительно в свете их диеты. Это довольно-таки оскорбительно. Вы едите животных и овощи, но никто ведь не пытается классифицировать вас с данной точки зрения.

На лице Веренса появилась улыбка, однако выглядела она стеклянно и необедительно.

– Но вы ведь... пьете человеческую кровь? – уточнил он.

– Конечно. А еще мы убиваем людей, правда, крайне редко, особенно в последнее время. Однако давайте посмотрим, что за вред мы наносим? Дичь и охотник, охотник и дичь. Овцы

были созданы как обед для волков, а волки – для того, чтобы не допустить чрезмерного опустошения пастбищ овцами. Ваше величество, если вы внимательно изучите свои зубы, то сами увидите: они предназначены для пищи определенного рода. И все ваше тело создано, дабы в полной мере ее усваивать. Мы хотим, чтобы к нам относились так же. Ведь орехи или, допустим, капуста не проклинают вас. Охотник и дичь являются лишь частью великого круговорота природы.

– Поразительно, – сказал Веренс. По его лицу катились крупные градины пота.

– Конечно, в Убервальде такое понимание существует, но лишь на инстинктивном уровне, – вступила графиня. – Для детей это слишком отсталая страна. Нам *так* не терпелось посетить Ланкр.

– Очень рад это слышать, – отозвался Веренс.

– Вы были столь любезны, что пригласили нас, – продолжила графиня. – В противном случае мы не смогли бы сюда приехать.

– Не совсем так, – возразил граф, широко улыбнувшись жене. – Но должен признать, запрет на посещение определенных стран без приглашения оказался необъяснимым... долговечным. Возможно, это объясняется древними территориальными инстинктами. Однако, – добавил он радостно, – я разработал методику обучения, которая – и я в этом нисколько не сомневаюсь – всего через несколько лет...

– О, – со стоном перебила его Лакримоза. – Опять эта скукотища. Пап, только не начинай, а?

– Да-да, согласен, мои измышления могут быть несколько утомительными, – подтвердил граф, благосклонно улыбаясь дочери. – Этот чесночный соус просто восхитителен! Никто не желает?

Агнесса с удивлением посмотрела на короля, который, похоже, чувствовал себя неловко. И это показалось ей весьма странным, ведь граф и его семья были такими очаровательными людьми и говорили вполне разумные вещи... Все вокруг казалось ей просто восхитительным!

– Вот именно, – сказал стоявший рядом Влад. – Госпожа Нитт, ты танцуешь?

На другом конце зала Ланкрский слегка симфонический оркестр (дирижер – Ш. Ягг) извлекал из музыкальных инструментов нестройные звуки.

– Э-э... – Она едва сдержалась, чтобы не захихикать. – Честно говоря, нет. Вернее, очень плохо...

«Неужели ты не слышала, что они говорили? Они же вампиры!»

– Заткнись! – громко сказала Агнесса.

– Прошу прощения? – переспросил удивленный Влад.

– Кроме того... кроме того, оркестр у нас не самый лучший...

«Ты что, совсем не обращала внимания на их слова, никчемная тупица?»

– Оркестр играет очень *плохо*, – согласился Влад.

– Ну, честно говоря, король приобрел музыкальные инструменты всего месяц назад, и наши музыканты еще учатся...

«Отруби ему башку! Поставь чесночную клизму!»

– С тобой все в порядке? Тут нет никаких вампиров, все хорошо, все спокойно...

«Он контролирует тебя! – завопила Пердита. – Они... влияют на людей!»

– У меня немного... кружится голова от волнения, – пробормотала Агнесса. – Наверное, мне пора домой. – И какой-то инстинкт на уровне костного мозга заставил ее добавить: – Меня нянюшка проводит...

Влад смерил ее странным взглядом, словно она как-то не так реагировала на его слова, но потом широко улыбнулся. «Какие у него белоснежные зубы...» – подумала Агнесса.

– Мне еще никогда не приходилось встречать такую девушку, как ты, госпожа Нитт, – сказал он. – В тебе... есть какая-то *тайна*.

«Это я! Я! Меня-то подчинить он не может! А теперь нам обеим пора сматываться!» – заорала Пердита.

– Но это не последняя наша встреча.

Агнесса кивнула и нетвердым шагом направилась прочь, ощупывая свою голову. Голова была как будто набита ватой, в которую непостижимым образом затесалась длинная острая иглолка.

Она приблизилась к всемогучему Овсу, который, выронив свою книжку и закрыв лицо руками, сидел, тихонько постанывая. Заслышав шаги, священнослужитель поднял голову.

– Э... госпожа, у тебя, случаем, ничего нет от головной боли? – спросил он. – Страшно мучаюсь...

– Королева делает пилюли от головной боли из ивовой коры, – задыхаясь, произнесла Агнесса и поспешила дальше.

Нянюшка стояла с мрачным видом и кружкой пива в руке – невиданная комбинация.

– Дурностаевый циркач так и не появился, – сообщила она. – Всем расскажу об этом обманщике. В нашей местности он может забыть о своей карьере, иначе мигом очутится в каком-нибудь карьере, ха-ха.

– Нянюшка, ты не могла бы проводить меня домой?

– Интересно, а если бы хорек укусил его прямо за... ну, ты понимаешь, что я имею в виду... Эй, с тобой все в порядке?

– Нянюшка, я ужасно себя чувствую.

– Тогда пошли. Все хорошее пиво уже кончилось, и раз веселья не предвидится, так чего нам здесь торчать?

Под яростный свист ветра они брели к домику Агнессы. На самом деле было больше свиста, чем ветра. Скрипели лишенные листьев деревья, слабый лунный свет наполнял лесные своды зловещими тенями. Тучи сгустились, и вот-вот должен был начаться дождь.

Агнесса заметила, как нянюшка на выходе из города подняла что-то с земли.

Это была палка. Агнесса глазам своим не поверила. Чтобы ведьма брала с собой палку, пусть даже ночью?

– Нянюшка, зачем она тебе понадобилась?

– Что? А... Сама не знаю. Сильный ветер, темень – хоть глаз коли...

– Но ты в Ланкре никогда ничего не боя...

Какие-то существа выскочили из кустов и застучали копытами по дороге. Агнессе показалось, что это лошади, но потом на них упал лунный свет, а буквально в следующее мгновение существа исчезли в темноте на другой стороне дороги. Слышался лишь быстро удаляющийся стук копыт среди деревьев.

– Давненько я их не встречала, – заметила нянюшка.

– А я видела кентавров только на картинках, – сказала Агнесса.

– Должно быть, из Убервальда пришли, – откликнулась нянюшка. – Что ж, приятно снова их увидеть.

Едва зайдя в домик, Агнесса бросилась зажигать свечи. Жаль только, на дверях засовов нет...

– Сядь и успокойся, – велела нянюшка. – Сейчас принесу воды, не переживай, сама налью.

– Все в порядке, я...

У Агнессы вдруг задержалась левая рука. Согнувшись в локте, она принялась махать ладонью перед Агнессиным лицом, словно стремясь завладеть ее вниманием. Агнесса в ужасе уставилась на собственные пальцы.

– Что, жарко здесь, да? – участливо осведомилась нянюшка.

– Я принесу воды! – задыхаясь, выдавила Агнесса.

Схватив правой рукой взбесившуюся конечность за запястье, Агнесса выскочила на кухню, но мятежная рука тут же вырвалась, схватила с сушилки нож, воткнула его в стену и вывела на осыпающейся штукатурке неровными буквами:

ВАМПИР

Потом рука выронила нож, схватила Агнессу за волосы и сунула ее лицом прямо в надпись.

– Эй, девочка, ты там как? – крикнула нянюшка из соседней комнаты.

– Э... По-моему, я пытаюсь что-то себе сказать...

Какое-то движение заставило ее обернуться. Крошечный синий человечек в синей шапочке пристально смотрел на нее с полки над медным котлом для белья. Затем человечек высунул язык, продемонстрировал очень неприличный жест и спрятался за пакетом со стиральной содой.

– Нянюшка?

– Да, милая?

– А синие мыши бывают?

– Нет, если ты трезвая, дорогуша.

– Значит... мне нужно выпить. У тебя еще осталась укипаловка?

Нянюшка вошла в кухню, вынимая пробку из фляжки.

– Немного долила на празднике. Конечно, это купленное в лавке пойло нельзя...

Агнессина левая рука вырвала у нянюшки фляжку и вылила ее содержимое в Агнессин рот. А потом Агнесса закашлялась так сильно, что бренди чуть не брызнуло у нее из носа.

– Ну-ну, не настолько уж оно и слабое, – покачала головой нянюшка.

Агнесса стукнула фляжкой по кухонному столу.

– Отлично, – сказала она голосом, который показался нянюшке каким-то иным. – Меня зовут Пердита, и *теперь* я – хозяйка этого тела.

Ходжесааргх почувствовал запах дыма задолго до того, как добрался до конюшни, но объяснил его горевшим во дворе замка костром. Он рано покинул праздничное пиршество. Никто не хотел разговаривать с ним о соколах.

Когда же он заглянул проверить птиц, то почувствовал тот же дымный запах, только куда *сильнее*, и сразу заметил крохотный огонек в самом центре пола. Некоторое время Ходжесааргх тупо пялился на него, после чего схватил ведро с водой и попытался залить пожар.

Однако язычки пламени и не подумали исчезнуть с залитого водой каменного пола.

Ходжесааргх взглянул на птиц. Они с интересом таращились на огонь, хотя, как правило, едва заметив пламя, сразу начинали паниковать.

Сам Ходжесааргх никогда не паниковал. Еще немного понаблюдав за происходящим, он поднял щепочку и поднес ее к пламени. Огонь мгновенно перескочил на дерево.

А щепка даже не обуглилась.

Тогда он отыскал сухую веточку и поднес ее к щепке; огонь плавно перешел на веточку. Он был единым целым и даже не думал делиться.

Половина решетки в окнах сгорела, а в углу конюшни, там, где валялись старые клетки, Ходжесааргх увидел головешки. Прямо над ними в крыше зияла обугленная дыра, сквозь которую виднелись клочья тумана и проступающие между ними звездочки.

В этом углу совсем недавно что-то горело, пришел к выводу Ходжесааргх. Причем горело сильно, но почему-то только в одном месте, как будто что-то не давало огню распространиться...

Ходжесааргх протянул руку к танцевавшему на конце веточки пламени. Огонек был теплым, но... не обжигающим, в отличие от обычного пламени.

Вдруг огонь перекинулся на палец, и стало щекотно. Ходжесааргх замахал рукой, и все птицы дружно закрутили головами, следя за пламенем.

Используя огонек как лампу, Ходжесааргх осмотрел оставшуюся от клеток груды головешек. В пепле он нашел кусочки яичной скорлупы.

Аккуратно собрав их, Ходжесааргх отнес находку в тесную комнатку в конце конюшни, которая служила ему и мастерской, и спальней. Тихонько потрескивающее в тиши комнатки пламя он осторожно переложил на блюдо.

В тусклом свете он отыскал на висевшей над кроватью полке потрепанный толстый том, на обложке которого много веков назад кто-то написал «ПТЫЦЫ».

На самом деле эта книга представляла собой очень толстую папку. Несколько раз в прошлом корешок разрезался, чтобы туда можно было вклеить дополнительные страницы, после чего неумело сшивался.

Сокольничие Ланкра хорошо разбирались в птицах. Королевство находилось прямо на пути перелетных птиц, мигрировавших между Пупом и Краем. Соколы и ястребы на протяжении веков приносили своим хозяевам самых разных птах, и сокольничие кропотливо вносили в книгу их описания. Страницы были испещрены всяческими рисунками и описаниями; записи мелким аккуратным почерком добавлялись, копировались, а потом опять копировались в течение нескольких веков. Иногда к странице аккуратно приклеивалось перо, что лишь добавляло «птычьему» труду толщины.

Составить указатель никто так и не удосужился, но какой-то древний сокольничий постарался распределить многие описания по алфавиту.

Ходжесааргх посмотрел на ровно горевшее в блюде пламя и, осторожно переворачивая страницы, отыскал букву «П».

Однако некоторое время спустя он обнаружил искомое под буквой «Ф».

В самом темном углу конюшни пряталось, съевшись от страха, какое-то существо.

В доме Агнессы книги занимали целых три полки. По ведьмовским стандартам это была гигантская библиотека.

Две крошечные фигурки лежали на книгах и с интересом наблюдали за происходящим.

Нянюшка Ягт пятилась от Агнессы, размахивая кочергой.

– Все *в порядке*, – сказала Агнесса. – Это снова я, Агнесса Нитт, однако... Она тоже здесь, но пока я с ней справляюсь. Да! Да! Хорошо, просто заткнись... Послушай, это *мое* тело, а ты – лишь часть моего воображе... Ладно! Ладно! Возможно, не все так очевидно... Позволь мне поговорить с нянюшкой, хорошо?

– И кто ты сейчас? – спросила нянюшка.

– Агнесса, кто ж еще? – Она закатила глаза. – *Ну, хорошо!* Я – Агнесса, которая в данный момент слушает советы Пердиты, которая – тоже я. В некотором смысле. *И я не слишком толстая, спасибо тебе большое!*

– Так сколько же вас всего? – уточнила нянюшка.

– Что значит «да тут места на десятерых хватит»? – рявкнула Агнесса. – Вот и заткнись! Послушай, Пердита говорит, что на празднике присутствовали вампиры. Семейство Сорокула помнишь? И Пердита не понимает, почему мы себя так вели. Она утверждает, что вампиры каким-то образом... влияют на людей. Включая меня, и именно поэтому ей удалось вырваться наружу... Да, хорошо, я как раз это и говорю! Большое тебе спасибо!

– А на нее почему они не влияют? – спросила нянюшка.

– Потому что у нее отдельный ум! Нянюшка, ты можешь вспомнить, что именно они нам говорили?

– Гм, если уж об этом зашла речь... нет, не могу. Но мне они показались очень даже приятственными людьми.

– А ты помнишь, как мы разговаривали с Игорем?

– А это кто такой?

Крошечные синие человечки замороженно наблюдали за ведьмами еще с полчаса.

Наконец нянюшка устало опустилась на стул и долго-долго смотрела в потолок.

– И почему мы должны ей верить? – поинтересовалась она.

– Потому что она – это я.

– Говорят, внутри каждой толстушки живет стройная красавица и... – начала было нянюшка.

– Ага, – с горечью перебила ее Агнесса. – Я слышала. Вот именно. Она и есть худышка, а я – это очень много шоколадных конфет.

Нянюшка наклонилась к уху Агнессы и громко крикнула:

– Эй, как у тебя дела? Все в порядке? Она хорошо с тобой обращается?

– Ха-ха, нянюшка. Очень смешно.

– Значит, они все время говорили о том, как убивают людей и пьют их кровь, а все лишь кивали: «Ну и ну, надо ж, как интересно»?

– Да!

– И эти вампиры ели чеснок?

– Да!

– Этого не может быть.

– Я не знаю! Наверное, мы использовали не тот сорт чеснока!

Нянюшка задумчиво почесала подбородок. Сразу два откровения в один вечер: во-первых, вампиры, а во-вторых, Пердита. Нянюшка откровенно разрывалась между двумя этими заманчивыми темами.

– А чем занимается эта твоя Пердита?

Агнесса тяжело вздохнула.

– Послушай, в любом человеке живет частичка, которая хочет поступать так, как ты поступать не смеешь, и думать о том, о чем ты даже боишься задуматься.

Нянюшка ответила бессмысленным взглядом.

– Ну, например... – попыталась объяснить Агнесса. – Сорвать с себя одежду и голышом побегать под дождем?

– Ага, тут ты абсолютно права, – согласилась нянюшка.

– Думаю, Пердита – это такая частичка меня.

– Правда? А у меня такой частичкой была я сама, – пожала плечами нянюшка. – Главное – не забыть, где одежду оставила.

Агнесса слишком поздно вспомнила, что нянюшка Ягт во многих смыслах была очень *незамысловатой* личностью.

– Не волнуйся, я понимаю, что ты имеешь в виду, – продолжила нянюшка уже более серьезно. – Иногда мне очень хочется выкинуть что-нибудь этакое, и я с трудом себя останавливаю... – Она покачала головой. – Но... вампиры?.. Веренс ведь не настолько глуп, чтобы приглашать сюда вампиров? – Она задумалась. – Хотя нет, именно настолько. Типа рука дружбы и так далее.

Она встала.

– Значит, так. Уехать они еще не успели. Займемся делом. Ты позаботишься о чесноке и колах. Я соберу Шончика, Джейсончика и других ребятшек...

– Нянюшка, ничего не получится! Пердита видела, на что они способны. Стоит только приблизиться к ним, как обо всем забываешь. Они что-то вытворяют с нашими головами.

Нянюшка некоторое время медлила с ответом.

– Не могу сказать, что настолько хорошо разбираюсь в вампирах, – наконец призналась она.

– Пердита считает, что они умеют читать наши мысли.

– Значит, надо подключать Эсме. Это по ее части, копать в мозгах. Как говорится, хлебом не корми, водой не пои.

– Нянюшка, они говорили, будто бы хотят *остаться*. Мы должны что-то *сделать*, чтобы им помешать!

– Куда ж она подевалась-то?! – почти взвыла нянюшка. – Только Эсме способна во всем этом разобраться!

– Может, они и до нее добрались? Первым делом?

– Надеюсь, ты это не всерьез? – Нянюшка явно запаниковала. – Чтобы какой-то там вампиришка вонзил зубы в Эсме?..

– Не волнуйся, ворон ворону глаз не выклюет.

Эти слова произнесла Пердита, а досталось Агнессе. Причем удар был не какой-то там женской пощечиной, символизирующей неодобрение. Нянюшка Ягт вырастила дюжих сыновей, кроме того, рука Яггов всегда считалась тяжелой.

Когда лежащая на коврике у камина Агнесса наконец подняла глаза, нянюшка, потирая ушибленную руку, мрачно смотрела на нее.

– Больше мы этой темы не касаемся, договорились? – сказала она. – Обычно я избегаю физических методов воздействия, но они позволяют экономить время, которое тратится на всякие бесполезные споры. Итак, мы возвращаемся в замок. Попытаемся разобраться во всем *немедленно*.

Ходжесааргх захлопнул книгу и уставился на пламя. Значит, это правда. В книге даже был рисунок, тщательно выполненный королевским сокольничим двести лет назад. Он нашел *это* однажды весной на высокогорных лугах. Пламя горело целых три года, а потом куда-то подевалось.

Рисунок был настолько точным, что, присмотревшись, можно было различить мельчайшие детали. Не совсем пламя, а скорее яркое перо...

Ланкр действительно располагался на пути самых разных перелетных птиц. А значит, это был лишь вопрос времени.

И значит, где-то поблизости... вылупился птенец. В книге говорилось, что птенцы растут медленно. Интересно, откуда тут взялось яйцо, ведь книга утверждала, что птенцы появляются на свет только в знойных пустынях Клатча...

Ходжесааргх вышел из комнаты, чтобы снова проверить птиц. Они по-прежнему вели себя настороженно.

Ну да, все правильно, все логично. Он прилетел сюда, к другим птицам, отложил яйцо, как и было написано в книге, после чего сгорел, давая возможность вылупиться птенцу.

Если у Ходжесааргха и были недостатки, то заключались они в достаточно утилитарном взгляде на мир птиц. Для него существовали только птицы, на которых охотились, и птицы, при помощи которых охотились. Разумеется, были и еще какие-то птахи, чирикающие в кустах, но они не имели значения. Но если и есть на свете птица, *идеально* подходящая для охоты, так это феникс.

О да. Сейчас он слишком мал и слаб, поэтому не мог улететь далеко...

Гм-м... В конце концов, все птицы мыслят одинаково.

Вот если б еще в книге было только одно изображение... Но их было несколько, каждое – скрупулезно нарисовано, и каждый древний сокольничий утверждал, что, мол, только ему посчастливилось увидеть жар-птицу.

Однако все картинки были разными и походили друг на друга лишь одним: у всех птиц наличествовали крылья и клювы. Но один феникс очень напоминал цаплю. Другой – гуся. Третий, что особенно озадачило Ходжесааргха, был похож на воробья. «Вот ведь загадка», – подум-

мал Ходжесааргх и решил взять за основу картинку, на которой была изображена, по крайней мере, не совсем обычная птица.

Он внимательно оглядел развешанные по крючкам перчатки. Ходжесааргх славился своим умением приручать птенцов. Они ели у него прямо с руки. После чего принимались за саму руку.

Точно. Поймать еще птенцом, приучить сидеть на запястье. Это будет непревзойденная ловчая птица.

Ходжесааргх не мог представить феникса в роли *дичи*. Во-первых, как его приготовишь? ...А в самом темном углу конюшни существо взлетело на насест...

Агнессе уже в который раз пришлось бежать вприпрыжку, чтобы поспеть за энергично шагающей нянюшкой. Яростно работая локтями, старушка пробралась к толкавшейся у пивной бочки группе мужчин и схватила двоих из них за рукава, заставив расплескать пиво. Не будь это сама нянюшка Ягг, данный поступок мог бы быть расценен как вызов, равный брошенной перчатке или – в менее благородных кругах – разбиванию бутылки о край барной стойки.

Но мужчины лишь застенчиво улыбнулись, а кое-кто даже принялся шаркать ножкой, тщетно пытаясь спрятать кружки за спины.

– Джейсон? Даррен? Живо за мной! – приказала нянюшка. – Мы идем драться с вампирами, понятно? Колья поострее найдутся?

– Нет, мам, – ответил Джейсон, он же – единственный ланкрский кузнец. – Но минут десять назад из замка вышел повар и спросил, не хочет ли кто крошечных пирожков, которые какой-то плохой человек изгадил чесноком. Так вот, я их съел.

Нянюшка принялась машинально отступила на шаг и замахала перед лицом ладонью.

– Да, судя по всему, этого вполне хватит, – признала она. – Когда подам тебе сигнал, рыгнешь что есть глотки, понял?

– Нянюшка, это вряд ли сработает, – возразила Агнесса настолько смело, насколько смогла.

– И почему это? Даже я едва с ног не валюсь.

– Я ж говорила, они не дадут тебе приблизиться. Пердита это чувствовала. Ты сразу становишься словно пьяной. Кроме того, чеснок, похоже, не действует.

– Ничего, теперь я буду готова, – огрызнулась нянюшка. – Кое-чему я у Эсме все-таки научилась.

– Да, но у нее... – «получалось все куда лучше», собиралась было сказать Агнесса, но передумала. – Но ее здесь нет.

– Пусть так, – кивнула нянюшка. – Однако я лучше прямо сейчас против них выступлю, чем потом буду объяснять Эсме, почему я ничего не предприняла. Идем.

Агнесса с тяжелым чувством на сердце последовала за Яггами. Конечно, Пердите нельзя доверять, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.